

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет юридический
Кафедра теории и истории государства и права
Направление 40.04.01 – юриспруденция
Магистерская программа «Теория и история государства и права, история пра-
вовых учений»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
И.о. зав. кафедрой
Е.Ю. Титлина
«25» июня 2022 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему: Развитие системы наказаний в российском уголовном праве
с XI в. до конца XIX в.

Исполнитель
студент группы 0210м Меш 22.06.2022 О. П. Мещериков
(подпись, дата)

Руководитель
канд. ист. наук,
доцент Ур 26.06.2022 А. В. Умрихин
(подпись, дата)

Руководитель научного
содержания программы
магистратуры ИЮ 28.06.2022 И. Ю. Куляскина
(подпись, дата)

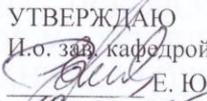
Нормоконтроль О.В. 2022 О. В. Громова
(подпись, дата)

Рецензент
канд. юр. наук С.А. 27.06.2022 С. А. Абрамова
(подпись, дата)

Благовещенск 2022

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет юридический
Кафедра теории и истории государства и права

УТВЕРЖДАЮ
И.о. зав. кафедрой

Е. Ю. Титлина
«10» октября 2020 г.

ЗАДАНИЕ

К выпускной квалификационной работе студента О. П. Мещерикова.

1. Тема выпускной квалификационной работы: Развитие системы наказаний в российском уголовном праве с XI в. до конца XIX в.

(утверждена приказом от 18.05.2022 № 1011-уч)

2. Срок сдачи студентом законченной работы: 25.06.2022.

3. Исходные данные к выпускной квалификационной работе: специальная литература; нормативные документы.

4. Содержание выпускной квалификационной работы (перечень подлежащих разработке вопросов): 1. Система наказаний в период Киевской Руси и феодальной Раздробленности. 2. Система наказаний в период Московского централизованного государства и сословно-представительной монархии. 3. Система наказаний с XVIII в. до конца XIX в.

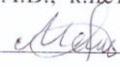
5. Перечень материалов приложения: (наличие чертежей, таблиц, графиков, схем, программных продуктов, иллюстративного материала и т.п.): 12 рисунков.

6. Консультанты по выпускной квалификационной работе (с указанием относящихся к ним разделов): нет.

7. Дата выдачи задания: 10.10.2020 г.

Руководитель магистерской диссертации: Умрихин А.В., к.ист.н., доцент.

Задание принял к исполнению 10.10.2020 г.

(подпись студента)

РЕФЕРАТ

Магистерская работа содержит 76 с., 55 источников.

СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, ПОНЯТИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ НАКАЗАНИЯ, ВИДЫ НАКАЗАНИЙ, ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, РУССКАЯ ПРАВДА, ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА, СУДЕБНИК ИВАНА III, СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ, ВОИНСКИЙ АРТИКУЛ 1715 ГОДА, УЛОЖЕНИЕ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА

В работе исследовано развитие системы наказаний в российском уголовном праве с XI в. до конца XIX в. На основе анализа и сравнений источников уголовного права, принятых в разные периоды, выявлено становление, изменение и развитие наказаний в уголовном праве с XI в. до конца XIX в.

Методологической основой являются методы материалистической диалектики, историзма, системности научного анализа, индукции и дедукции, характеризующие институт наказания в историческом развитии и во взаимосвязи, и являющиеся общепринятыми в историко-правовом исследовании, а также метод компаративного правоведения (т.е. методы интегративного, сравнительного анализа). Для решения поставленных гносеологических задач были использованы принятые в современной науке методологические принципы, такие как объективность, комплексность, системность.

В исследовании применялись также формально-логический, хронологический, нормативно-юридический и другие методы научного познания.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1 Система наказаний в период Киевской Руси и феодальной раздробленности	9
1.1 Система наказаний по Русской Правде	9
1.2 Система наказаний в Псковской судной грамоте	19
2 Система наказаний в период Московского централизованного государства и сословно-представительной монархии	29
2.1 Система наказаний по Судебнику Ивана III 1497 года и судебнику Ивана IV 1550 года	29
2.2 Система наказаний по Соборному Уложению 1649 года	37
3 Система наказаний с XVIII в. до конца XIX в.	48
3.1 Система наказаний по Воинским Артикулам 1715 года	48
3.2 Система наказаний по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года	53
Заключение	66
Библиографический список	71

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы магистерской диссертации. Совершенствование уголовного законодательства на протяжении многих лет происходит без достаточного должного научного обоснования, причем система уголовных наказаний не является исключением. Нельзя не согласиться с утверждением русского юриста Таганцева Н.С. о том, что «из всех областей права наиболее чувствительным к переменам является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные перевороты народной жизни».

Время вносит свои корректировки в терминологию, в содержание институтов и понятий, но эти видоизменения не затрагивают их сущности. Сегодня, на рубеже тысячелетий, остается актуальным вопрос о наказании. Состояние этой части уголовного права оставляет желать гораздо лучшего, а потому вызывает к жизни множество вариантов его реформирования.

Обращение к истории того или иного вопроса является одним из способов разрешения современных проблем. И для того, чтобы уяснить, каким должно быть наказание в нашей стране, нам нужно изучить громадный российский опыт, так как суждения видных российских юристов прошлого о содержательной стороне наказания сегодня для нас не менее интересны, чем для их современников.

В сегодняшних условиях развития российской правовой системы необходимо по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся, но далеко не бесспорные основополагающие понятия, которые относятся к институту уголовного наказания. С учетом того, что наказание имеет множество различных измерений не только правового свойства, но и политического, культурного и социально-экономического.

На сегодняшний день, совершенствование системы уголовных наказаний невозможно без всестороннего изучения исторического опыта. В этой связи, в настоящей диссертации исследуются вопросы, связанные

с уголовным наказанием в правовых нормах, принятых в разные исторические периоды России. Кроме того, в настоящей работе исследуются значения, целесообразность и эффективность систем наказаний, которые были предусмотрены в российском уголовном законодательстве с XI в. до конца XIX в.

Степень разработанности темы исследования.

Необходимость борьбы с величайшим социальным злом, каким является преступность, всеми имеющимися у человеческого общества средствами, предопределила особо пристальное внимание юристов, философов, социологов, психологов, педагогов – представителей различных направлений общественно-политической мысли – к проблеме наказания. Исторический аспект зарождения и эволюционного развития наказания, его видов и существа глубоко исследован и изложен в ряде монографических работ как советского, так и дореволюционного периода Российского государства.

Среди русской юридической мысли дореволюционного периода особенно выделяются работы «Учение о наказании в связи с тюремоведением» профессора И. Я. Фойницкого; «Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части» профессора Л. С. Белогриц-Котляревского; «Основные вопросы учения о наказании» профессора С. В. Познышева; «Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая» профессора Н. Д. Сергеевского; «Наказание» профессора А. А. Жижиленко и др.

Названные работы позволили сделать новые шаги в изучении и толковании отдельных вопросов, входящих в предмет диссертационного исследования.

Источниками информации являются дошедшие до настоящих дней летописи, исторические документы, рассказы свидетелей, дневники живущих в те времена и, разумеется, источники права: обычаи, княжеские уставы, «Русская Правда», Псковская судная грамота, Судебники Ивана III и Ивана IV, Соборное Уложение.

Объектом исследования является система наказаний в российском уголовном праве с XI в. до конца XIX в.

Предметом исследования является политико-правовая, социально-

экономическая и культурная обусловленность развития системы наказаний в российском уголовном праве с XI в. до конца XIX в.

Цель исследования заключается в выявлении исторических закономерностей возникновения, развития и сущности наказания, а также проведение комплексного анализа функционирования института наказания в период российской истории с XI в. до конца XIX в., выявление особенностей применения института уголовного наказания во взаимосвязи с формой правления, политическим режимом государства и политико-правовой, социально-экономической, культурной сферой жизни общества, их роли в формировании уголовной политики в области развития института наказаний.

Исходя из заявленной цели, были поставлены **следующие задачи**:

- раскрыть систему наказаний по «Русской Правде»;
- узнать, какие наказания предполагала Псковская судная грамота;
- провести анализ системы наказаний через сравнение Судебников 1497 года и 1550 года;
- рассмотреть наказания по Соборному уложению 1649 года;
- выявить особенности в системе наказаний по Воинским Артикулам 1715 года;
- установить особенности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года;
- проанализировать преступление и наказание в традиции русского уголовного права (XI -XVII вв.), систему наказаний и их классификацию в уголовном праве России в период образования абсолютной монархии (вторая половина XVII – начало XIX и парадигму наказания в уголовном праве пореформенной России (вторая половина XIX – до конца XIX в.в.);
- обозначить и охарактеризовать этапы процесса формирования института наказания в отечественной истории государства и права.

Методологической основой являются методы материалистической диалектики, историзма, системности научного анализа, индукции и дедукции, характеризующие институт наказания в историческом развитии и во взаимосвязи,

и являющиеся общепринятыми в историко-правовом исследовании, а также метод компаративного правоведения (т.е. методы интегративного, сравнительного анализа). Для решения поставленных гносеологических задач были использованы принятые в современной науке методологические принципы, такие как объективность, комплексность, системность.

В исследовании применялись также формально-логический, хронологический, нормативно-юридический и другие методы научного познания.

Теоретическая основа исследования. При написании настоящей работы были использованы научные труды ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права: О. Н. Баженова, Ю. С. Бочкарева, А. И. Васильева, М. Т. Валеева, Р. Р. Галиакбарова, Н. Г. Осадчая, И. Петрухина, А. И. Саакаева, С. В. Тасакова, В. А. Уткина, С. С. Уткина, И. Я. Фойницкого, С. В. Чубракова, М. Д. Шаргородского.

Нормативно-правовая основа. Выводы и предложения, представленные в настоящей работе, основаны на трудах ученых, инструктивных материалов, анализе правовых актов: «Русская Правда», Псковская судная грамота, Судебники Ивана III и Ивана IV, Соборное Уложение, Воинский артикул 1715 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Научная новизна магистерской работы заключается в том, что впервые на монографическом уровне проведено комплексное, логически завершённое исследование историко-теоретических, методологических и прикладных аспектов назначения и применения наказания в традициях российского уголовного права.

Предлагается новая постановка проблемы и новая методология ее решения, очень явственно очерчивается связь теории и практики назначения и исполнения (применения) уголовного наказания.

В работе делается акцент на связь юридической мысли с философскими воззрениями ряда отечественных и зарубежных мыслителей на проблему наказания в целом. Выделены основные направления правовой политики современного российского государства в сфере применения наказания как институцио-

нальной форме государственно-правового принуждения.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Сформулированные в работе теоретические положения и выводы развивают и дополняют ряд разделов истории отечественного государства и права, истории и теории уголовного права современной России.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности органов государственной власти, в процессе правового воспитания граждан и правоприменителей в целях повышения их общей и профессиональной культуры. Кроме того, их можно использовать в юридических учебных заведениях при подготовке профессионального ядра кадров органов внутренних дел, прокуратуры, юстиции, а также в ходе преподавания курсов истории отечественного государства и права, уголовного права, криминологии и соответствующих учебных спецкурсов.

Структура магистерской диссертации обусловлена целью и задачами настоящей работы и включает в себя введение, 3 главы (объединяющей шесть параграфов), заключение и список используемых источников и специальной литературы. Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются цели и задачи, теоретическая и нормативная база исследования и др. Основная часть последовательно разрешает поставленные задачи, чем выполняется цель дипломной работы. Заключение посвящено выводам по результатам выполненного исследования.

Апробация результатов исследования. По теме магистерской диссертации автором была опубликована статья: «Современная концепция развития системы наказаний в Российской Федерации до 2030 года» в научной электронной библиотеке «elibrary.ru» по IX всероссийской заочной научно-практической конференции «Правовая система России: история, современность, тенденция развития» (Благовещенск, февраль 2022).

1 СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В ПЕРИОД КИЕВСКОЙ РУСИ И ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1.1 Система наказаний по Русской Правде

Право в древнерусском государстве сформировалось во второй половине IX в., когда между феодалами и зависимым населением стали доминировать определенные общественные отношения, а правовые обычаи заменили нормативно-правовые акты.

Русская Правда сформировалась на протяжении XI-XII веков, но отдельные ее статьи «уходят» в языческую старину. Однако, первый текст был обнаружен и подготовлен к печати В.Н. Татищевым в 1738 году. До наших дней дошло более 100 списков Русской Правды. Все они распадаются на 3 основные редакции: Краткая, Пространная и Сокращённая.

Древнейшая редакция, которая была подготовлена не позднее 1054 года, состоит из Правды Ярослава (статьи 1-18) и Правды Ярославичей (статьи 19-41). В Древнейшей редакции содержатся нормы, направленные на защиту имущества князей, жизни их управителей, Покона вирного (статья 42), который закреплял обязанность подвластного населения кормить княжеского сборщика вир, то есть, штрафов, а также Урока мостников. Последний определял найм работников для строительства и ремонта мостов (статья 43).

Первая ее часть, наиболее древняя, говорила еще о сохранении обычая кровной мести, об отсутствии достаточно четкой дифференциации размеров судебных штрафов в зависимости от социального статуса потерпевшего.

Вторая часть (статьи 18-43) отражала дальнейший процесс развития феодальных отношений: кровная месть отменялась, жизнь, имущество феодалов ограждались повышенными мерами наказания.

Понятие преступления в Русской Правде трактуется очень своеобразно: преступно только то, что причиняет непосредственный ущерб конкретному человеку, его личности или имуществу. Отсюда и термин для обозначения преступления – «обида». В княжеских уставах можно встретить и более широкое

понимание преступления, охватывающее и некоторые формальные составы. Это заимствовано из византийского канонического права. Наиболее ясно такая замена выражается в княжеских уставах и в Русской Правде, где любое преступление определялось не как нарушение закона или княжеской воли, а как «обида», т.е. причинение материального, физического или морального вреда какому-либо лицу или группе лиц. За эту обиду виновный должен был выплатить определённую компенсацию. Таким образом, уголовное правонарушение не отличалось в законе от гражданско-правового.¹

Соответственно понимаю преступления как «обиды» строится в Русской Правде и система преступлений. Русская Правда знает только два рода преступлений – против личности и имущественные. В ней нет ни государственных, ни должностных, ни иных родов преступлений. Это не означало, конечно, что выступления против княжеской власти проходили безнаказанно. Просто в таких случаях применялась непосредственная расправа без суда и следствия.

В уголовном праве очень ярко проявляется классовая природа феодального права, открыто встающего на защиту господствующего класса и пренебрегающего интересами трудящихся. Это отчетливо видно при рассмотрении отдельных элементов состава преступления. Так, субъектом преступления может быть любой человек, кроме холопа. Холопы субъектами права вовсе не признавались. Статья 46 Русской Правды говорит о том, что если холопы окажутся ворами, то князь штрафом их не наказывает, поскольку они не свободны (и в силу этого, как, вероятно, полагает законодатель, могут совершить кражу по наущению своего хозяина).

Русская Правда не знает возрастного ограничения уголовной ответственности, понятия невменяемости. Состояние опьянения не исключает ответственности. В литературе высказывалось суждение, что опьянение по Русской Правде смягчало ответственность (убийство на пиру). В действительности при убийстве в драке имели значение не состояние опьянения, а элемент простой ссоры

---

¹ Карпов А. В. Преступление: правовое, отечественное понимание понятия/ А.В. Карпов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2014. № 4. С. 256.

между равными людьми. Больше того, Русская Правда знает случаи, когда опьянение вызывает повышенную ответственность. Так, если хозяин бьет закупа под пьяную руку, то теряет этого закупа со всеми его долгами; купец, пропивший доверенный ему чужой товар, отвечает не только в гражданском, но и в уголовном порядке, притом весьма строго. Русская Правда в статье 54 упоминает о купце, который мог пропить, проиграть или испортить чужой товар, данный ему то ли для перевозки, то ли для продажи. Отчетливо виден договор комиссии в следующей статье, где иностранный купец поручает русскому продать на местном торге свои товары.²

Русской Правде уже известно понятие соучастия. Эта проблема решается просто: все соучастники преступления отвечают поровну, распределение функций между ними пока не отмечается.

Установления, определявшие ответственность соучастников в связи с совершением конкретных преступлений, ранее других были сформулированы в Русской Правде.

Русская Правда различает ответственность в зависимости от субъективной стороны преступления. В ней нет различия между умыслом и неосторожностью, но различаются два вида умысла – прямой и косвенный. Это имеет место при ответственности за убийство: убийство в разбое карается высшей мерой наказания – потоком и разграблением, убийство же в «сваде» (драке) – только вирой. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что здесь ответственность зависит не от формы умысла, а от характера самого преступления: убийство в разбое – это низменное убийство, а убийство в драке все-таки как-то может быть оправдано с моральной точки зрения. По субъективной стороне различается и ответственность за банкротство: преступным считается только умышленное банкротство. Состояние аффекта исключает ответственность.

По нормам Русской Правды, преступником может быть только лицо, обладающее свободной волей и сознанием. При совершении правонарушений дееспособными лицами в каждом отдельном случае требовалось присутствие со-

---

² Исаев И.А. История государства и права России. М.: Изд-во «Юристъ», 2008. С. 97.

знания неправоты действия. Точно так же для бытия преступления считается необходимым элементом «злая воля деятеля». Сознание и воля деятеля могут быть временно парализованы, вследствие чего деяние теряет свой преступный характер, так называемое состояние аффекта.

Система наказаний Русской Правды еще довольно проста, а сами наказания сравнительно мягкие. Ее главная особенность состоит в том, что основной целью наказания является возмещение ущерба (материального и морального). Правда не заботится ни о предупреждении преступлений, ни об исправлении преступной воли. Она имеет в виду лишь непосредственные материальные последствия преступления и карает за них преступника материальным же, имущественным убытком.

Винный в разбое, т.е. в убийстве без вины со стороны убитого, подвергался не только имущественному, но и личному наказанию – с женой и детьми выдавался князю на поток и разграбление, являвшиеся высшей мерой наказания. Сущность этой меры не совсем ясна. Во всяком случае, в разное время и в разных местах поток и разграбление понимался по-разному. Иногда это означало убийство осужденного и прямое растаскивание его имущества, иногда – изгнание и конфискацию имущества, иногда – продажу в холопы.³

Следующей по тяжести мерой наказания была вира, назначавшаяся только за убийство свободного человека. Она равнялась 40 гривнам. За убийство княжих мужей, конюшего, старосты и тиуна выплачивалось две виры. Убийство свободной женщины оплачивалось полуvirой – 20 гривнами. За убийство лиц рабского сословия взыскивался штраф в 12 гривен. За тяжкое увечье (лишение носа, глаза, руки, ног) взыскивалась полувира.

Русская Правда ограничила круг мстителей за убийство только двумя степенями ближайших родственников убитого. Кровная месть в качестве наказания за убийство применялась вплоть до второй половины XI в. Однако уже Правда сыновей Ярослава запрещала убивать убийцу кому бы то ни было, предписав родственникам последнего довольствоваться определенной денеж-

---

³ Фумм А. М. Назначение и исполнение уголовных наказаний в дореволюционной России. М., 2011. С. 45.

ной компенсацией. Таким образом, расширяется право государства на личность и имущество преступника.

Усиленными карами охраняется церковь, ее имущество и церковные служители (церковная татьба, разграбление могил, посечение крестов, колдовство). За колдовство, например, волхвов сжигали, а ворожей закапывали в землю живьем. За преступления, отнесенные к компетенции церковного суда, применялись и специфические церковные наказания, такие как эпитимьи. Так, византийский закон предусматривал, например, за блуд с сестрой 15 лет «поститься и плаката»; легкой эпитимьей считались 500 поклонов в день. Эпитимья часто соединялась с государственной карой. Вероятно также, что церковь применяла кроме эпитимий членовредительные наказания и тюремное заключение.⁴

«Продажей», то есть штрафом в 1, 3 или 12 гривен кун наказывались, в зависимости от тяжести, все остальные преступления. В свою очередь требовалось выплатить «урок» (возмещение) потерпевшему.

Членовредительство. Следующий ряд статей Краткой Правды (статьи 5, 6 и 7) посвящён членовредительству. Выделяются три основных вида членовредительства: травма руки, ноги и пальца. Отнятие руки, а также лишение возможности ею пользоваться в древнерусском праве приравнивалось к смерти, поэтому за данное оскорбление назначалось наказание, приравнивавшееся к наказанию за убийство, т.е. налагался штраф в размере 40 гривен. Также в виде наказания за это преступление могла применяться кровная месть. Но в отличие от других статей в случае причинения увечья мстить могли близкие потерпевшего, т.к. сам он был не в состоянии.

Побои и оскорбление. Месть в Русской Правде упоминается не только в статьях, говорящих об убийстве.

В Русской Правде предусматривалось, что различие платы за побои, раны и увечья зависело от того, нанесены ли они в раздражении, в сваде, то есть в ссоре или драке, или же без всякой свады, то есть без раздражения.

Н. Ланге, изучив памятник отечественного права, отмечал зависимость

---

⁴ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 95

вида и размера ответственности от мотивов, по которым совершались подобные действия, влекшие за собой причинение вреда здоровью. Если злонамеренное деяние совершалось без видимого основания либо повода или не было ничем спровоцировано, то назначаемое наказание существенно ужесточалось. То есть, по сути дела, речь шла о хулиганских побуждениях в современном их понимании.

Интерес представляет и норма, устанавливающая ответственность за повреждение бороды. Статья 67 Пространной редакции Русской Правды рассматривает данное действие как тяжкое оскорбление: «О бороде. А кто порветь бороду, а вьньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже». Наличие бороды государство и церковь расценивали как внешний признак принадлежности к православному народу.

Статья 26 Устава Князя Ярослава о церковных судах (Краткая редакция) помимо наказания за повреждение чужой бороды содержала запрет сбривать собственную бороду.

В отличие от статьи 8 Краткой редакции Русской Правды, в которой определялась только ответственность за такие проступки, в статье 67 регламентируются процессуальные условия и порядок назначения наказания. В качестве доказательства о совершенном деянии должны быть обязательно предъявлены вещественное доказательство (знамение) и свидетели преступления; без свидетелей обвинение расценивается в качестве ложного (поклеп) и штраф не приговаривается. Данное посягательство носило публичный характер. Об этом свидетельствует и размер наказания. Повреждение бороды наказывалось высшей продажей в 12 гривен.⁵

Кража, хищение, порча, уничтожение имущества. К преступлениям против собственности следует в первую очередь отнести «татьбу», понятие которой в Русской Правде не раскрывается, однако традиционно под этим термином понимается «кража». Эта рекомендация не совсем точно отражает суть «татьбы», поскольку при тогдашнем развитии юридической мысли то, что ча-

---

⁵ Титов Ю. П. История государства и права России. М.: «Юрист», 2003. С. 124.

сто именуется татьбой, было многоплановым явлением.

Древнерусский законодатель, не различая формы хищения, называет собирательным названием «татьба» все возможные действия, связанные с незаконным изъятием чужого имущества. «Татьба в самое древнее время означала преступное похищение чего-либо или насильственное отнятие, не переходящее в разбой.

Главным образом, – пишет И. В. Фойницкий, – это выражение употреблялось, когда речь шла о корыстном похищении имущества, но существенным моментом ее было не нарушение имущественного права, а корыстный мотив, руководивший деятелем; вот почему прежние узаконения говорят и о головной татьбе».

Да и в те времена, где дерзость и физическая сила признавались высшей ценностью, а в преступниках, по словам Л. Белогриц-Котляревского, видели удальцов, наделенных идеальной силой духа и физической крепости, открытые и насильственные нарушения чужих интересов являлись социально терпимыми или, по крайней мере, не вызывали большого общественного негодования.

Некоторые нормы о татьбе включают в себя указание на место совершения преступления: хлев, клеть, гумно, яма, поле. Так, например, в Пространной Правды в статье 41: «аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то о (же) будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и 30 кун платит», статье 42: «аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун», статье 43: «аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун».⁶

Целый ряд статей Краткой Правды (статьи 29, 31, 32, 35, 36, 37, 39, 40) рассматривают различные случаи кражи. В изучаемом мною памятнике права краже отводится значительное место, достаточно подробно разработана система наказаний за неё, что говорит о широком распространении этого антиобщественного явления и в то далёкое время.

---

⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. М.: Наука, 1994. 380 с.

Следует заметить, что Русская Правда предусматривает более суровое наказание в случае совершения преступления группой лиц, т.е. уже известно понятие соучастия (статья 31 и 40 КП). Независимо от количества преступников, каждый из них должен был заплатить повышенный штраф по сравнению со штрафом, назначаемым за кражу, совершённую в одиночку.

Интересно появление в статье 35 и 36 Краткой Правды термина «продажа» – установленный законом штраф, взыскиваемый в пользу князя в качестве государственного органа, т.е. идущий в казну. Помимо продажи устанавливается взыскание «за обиду» в пользу потерпевшего, которое можно сравнить с существующим в современном законодательстве возмещением причинённого вреда.⁷

В статье 38 Краткой Правды подтверждается правило, установленное, видимо, обычаем – право убить вора на месте преступления. Но закон ограничивает это право, разрешая убить его только ночью и запрещая убивать связанного вора. В этом прослеживается сходство с существующим ныне понятием превышения пределов необходимой обороны.

Данная статья имеет своей целью укрепление княжеской юрисдикции, ограничивая самосуд. Косвенным образом, подтверждая существование общинного суда, статья 33 Краткой Правды указывает на стремление княжеской власти установить монополию на суд.

Смертная казнь не упоминается в кодексе, хотя на практике она, несомненно, имела место. Здесь прослеживается влияние христианской церкви, выступавшей против смертной казни в принципе.

М. Ф. Владимирский-Буданов классифицирует тятбу следующим образом (рис. 1).

Как следует из анализа древнерусского исторического памятника, законодатель поощрял действия связанные с предприимчивостью, однако, в тоже время, под осуждение попадало стяжательство. В качестве первого довода,

---

⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь IX – первая пол. X вв. М. : Юристъ, 2019. С. 32-40.

можно отнести норму права, содержащую уголовную ответственность за преднамеренное банкротство, которое безусловно относится к преступлениям против собственности. Из исторических источников, дошедших до наших дней, известно два вида банкротов (обанкротившихся) купцов: в виду неудачной несостоятельности, согласно древнерусскому акту, «истопиться, либо рать возьметъ, ли огонь и другой, злостного банкротства, «пропъется или пробьется, а в безуми чюжь товар испорить» в соответствии со статьей 54 Пристанной правды. Таким образом различают два вида банкротства: умышленное (злостное) и по неосторожности (случайное).

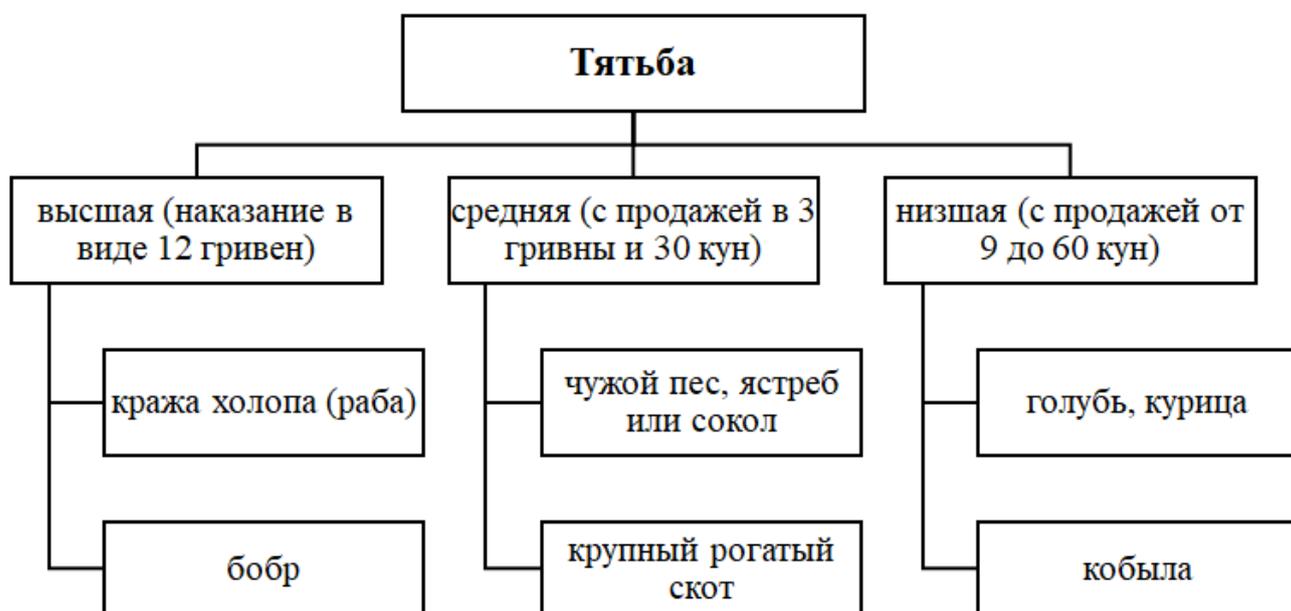

Рисунок 1 – Классификация видов тягбы в зависимости от размера похищенного

Убийство. В силу статьи 12 Краткой Правды, «если убьют огнищанина за обиду, то платить за него 80 гривен убийце, а людям не надобно, а за подъезного княжего – 80 гривен». Как считает Соолевский А. И. «убийство за обиду» воспринимать следует как умышленные действия жертвы повлекшее убийство. По всей вероятности понимается убийство княжеского слуги при исполнении своих служебных обязанностей.

По мнению Сергиевича В. И., законодателем в Пристанной Правде выделяются отягчающие или смягчающие обстоятельства в совершении преступле-

ния. Обращая внимание, что основе всего лежит индивидуализации ответственности виновных лиц в совершение, к примеру убийства, т.е. за объективные признаки содеянного.

В силу статьи 6 Русской Правды убийство может пониматься, как совершаемое преступление в общественном (публичном) месте, в отличии от убийства в разбое, так согласно тексту данного исторического памятника: «но оже будет убил или в сваде, или в пиру явлено, то токо ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирою». Согласно данной статье указывается вира, которая взимается за совершение убийства из-за ссоры (на пиру в сваде). Ответственность за совершенное деяние имела языческие корни, что могло затрагивать чувства, понимание христианского вероисповедания.⁸

По этим причина в правилах и поучениях церкви содержались предписания отказывать в отпевании убитых во время публичного мероприятия (пир, свадебные торжества). Таким образом, в данном случае законодатель выделил признаки публичности, т.е. совершения преступления в общественном месте.

Кроме того, нормы содержат признаки убийства в разбое. В древней Руси данная норма рассматривалась, как наитягчайшее преступление. Если происходило убийство огнищанина, полномочия по розыску возлагались на вервь или общину, на территории которой произошло убийство. Если преступник не был обнаружен, на вервь накладывалось обязательство о выплате виры в размере 80 гривен.

Переходя с следующей норме следует, что в 21 статье Краткой Правды, которая посвящена убийству княжеского тиунца или огнищанина в момент защиты им княжеского (государственного) имущества. Согласно данной статье, можно проследить какие обязанности накладывались в отношении убийцы, из чего следует с ним расправлялись на месте, что само по себе свидетельствует об подтверждении усиленной защиты княжеских слуг.

В соответчики со статьями 22-27, существовали такие меры наказания, как штрафы за убийство княжеских слуг и людей, находящихся в окружении

---

⁸ Греков Б. Д. Правда русская. М. : Юрист, 2018. С. 43.

князя. В качестве примера, жизнь княжеского тиуна оценивалась в 80 гривен, старшего конюха – 80 гривен, жизнь сельского старосты или ребенка оценивалась в 12 гривен, на низшем уровне были рядовики, смерды и холопы, суммы на которых была 5 гривен.

Таким образом, делая вывод по вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что Русская Правда является первым писанным нормативно-правовым актом того времени. Она представляет собой право развивающегося феодального права, охватывающей широкую сферу общественных отношений, которые дошли до наших дней. Следует сказать, что в Русской правде преступление понимается как «школа» и «обида» и разъяснялось как вред наносимый человеку, его жизни и здоровью, так и его материальным благам, т.е. имуществу и собственности. Русская Правда включает и выделяет такие преступления как, против личности, против семьи и морального составляющего, татбы (против собственности), преступления, связанные преступлением против князя и государственным интересом (против государства). Что касается процессуальных норм, то судебный процесс в то время носил исключительно состязательный характер, являлся гласным, обязательным условием являлось наличие свидетелей, называемыми видаками или послухами. Судебный процесс имел свою последовательность, поскольку начинался с «заклича», т.е. период в котором собираются все доказательства, доводы и обстоятельства дела. Следующим этапом развевались события с рассмотрением обстоятельств самого дела. Третьим процессуальным порядком было «гонение следа», заключающееся в поиске лица совершившего преступление и пропавшей (украденной) вещи. Тем не менее, холоп не мог нести наказание, поскольку за его действия, передвижения под свою ответственность нес феодал. Кроме того, мера наказания в виде смертной казни не применялась.

1.2 Система наказаний в Псковской судной грамоте

В государстве периода татаро-монгольского ига хотя и продолжала действовать Русская Правда, как основной закон суда и расправы на Руси, и даже имелись новые редакции конца XIII в. и XIV в., но, тем не менее, дальнейшее

развитие русского законодательства шло вперед, как вслед за естественным развитием общества, так и под влиянием монголов.

Судная грамота Пскова были принята вечевым собранием города в середине XV в. Она являлась основным источником права для Пскова до его присоединения к Москве. Псковская Судная грамота была составлена в 1467 году. Грамота состоит из 120 статей, 108 из которых были приняты в 1467 году, а остальные были дописаны позже по решению веча. Некоторые из этих статей были приняты и выполнялись еще задолго до появления Судной Грамоты.

Псковская Судная грамота составлена в основном из «псковских пошлин» – юридических обычаев. Запись представляла собой письменный документ, копия которого сдавалась на хранение в архив Троицкого Собора. Доска была обычным документом, писанным на бересте. Копия его в архив не сдавалась, поэтому достоверность его могла быть оспариваема.⁹

Большим шагом вперед в развитии понятия преступления по русскому праву является понятие преступления, данное Псковской Судной Грамотой. Под преступлением подразумевался не только вред, причиненный отдельному частному лицу, но и государству в целом. Как было сказанное в предыдущем параграфе, Русская Правда под преступлением понимала нанесение какого-либо материального, физического или морального ущерба отдельному лицу или лицам, поэтому понятие преступления в Пскове значительно изменилось по сравнению с понятием преступления, существовавшим в эпоху Киевской Руси. Кроме того, Судная Грамота упоминает политические преступления, а также преступления направленных против государства в целом или против отдельных должностных лиц, о которых ничего не говорится в Русской Правде.

Между тем, по Русской Правде преступление называлось «обидой». Псковская Судная Грамота не содержит специального термина для обозначения понятия преступления.

Субъектами преступления по Псковской Судной Грамоте были представители господствующего класса – бояре, купцы и житьи люди, а также посад-

---

⁹ Юшков С. В. Памятники русского права. Екатеринбург, 2020. С. 17-20.

ские люди и различные категории феодально-зависимого сельского населения, – изорники, огородники и кочетники.

В случае совершения одного и того же преступления несколькими лицами виновные несли долевую ответственность, т. е. все вместе они должны были уплатить причитающиеся потерпевшему вознаграждение и продажу в пользу князя. А потерпевшие, независимо от их числа, получали все вместе предусмотренное законом наказание.

Если любое количество потерпевших предъявит обвинение в побоях к любому числу виновных, то денежное вознаграждение присуждается им всем в размере одного рубля и продажа в пользу князя взыскивается в одинарном размере независимо от того, сколько было виновных.

Псковская Судная Грамота различала степень проявления злой воли преступником, степень его виновных. В статье 26 говорится, что если ответчик, подлежащий приводу в суд, будет сопротивляться и совершит убийство истца, он привлекается к ответственности как убийца. С другой стороны, если пристав с потерпевшим приедут во двор подозреваемого в воровстве для производства обыска, а беременная женщина, проживающая в и этом доме, испугается и выкинет младенца, то, как предписывала статья 98, пристава или истца нельзя обвинить в убийстве ребенка. Следовательно, в первом случае, виновный, убивший истца, привлекался к ответственности как убийца, а в другом случае виновный, напугавший беременную женщину, освобождался от ответственности.¹⁰

Псковская Судная Грамота определяла следующие виды преступлений. Из числа политических преступлений Псковская Судная Грамота, собственно, знала одно преступление, – перевет (статья 7). Перевет – государственная измена. Виновные в совершении перевета наказывались смертной казнью. Не случайно понятие перевета появилось впервые в Пскове и Новгороде. Эти республики граничили с Литвой и владениями немецкого Тевтонского ордена. Вся история Новгорода и Пскова характеризуется систематическим нападением

---

¹⁰ Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 231.

немецких «псов-рыцарей» и литовских феодалов на Новгород и Псков.

Кроме того, Псковская Судная Грамота выделяла особый вид преступлений против порядка управления, а именно за преступления против судебных органов. За вход в зал суда насильно или удар «подверника» полагался штраф: 1 рубль князю и 10 денег подвернику (статья 58). Запрещалось избивать истца или ответчика, так согласно статье 111: «А кто пред господою ударит на суде своего истца, ино его в рубли выдать тому человеку, а князю продажа».

К преступлениям против личности по Псковской Судной Грамоте относились: убийство, нанесение побоев, оскорбления действием.

В случае убийства с преступника взыскивался штраф в размере 1 рубля в пользу князя и особое вознаграждение семье убитого. Нанесение побоев (статья 27) или вырывание бороды квалифицировалось как оскорбление действием. Нанесение побоев в общественном месте наказывалось штрафом в пользу князя, а за вырывание бороды полагался штраф в 2 рубля. Статья 58 наказывала избившего своего истца перед судом штрафом в размере 1 рубля в пользу князя. Наиболее серьезным преступлением среди этой категории дел считалось вырывание бороды. За это преступление полагалось денежное вознаграждение в пользу потерпевшего в размере двух рублей, а также продажа в пользу князя (статья 117).¹¹

Статья 7 вводит новый вид наказания, не знакомый Русской Правде – смертную казнь. Известны две статьи (статьи 7 и 8), предусматривающие смертную казнь, однако, в подавляющем большинстве случаев по-прежнему применялась продажа.

В статье 7 перечислены преступления, представляющиеся во времена грамоты наиболее опасными: измена, поджог, кража, конокрадство. С точки зрения законодателя конокрадство было так же опасно, как и измена. О случаях совершения этих преступлений доносит до нас летопись.

Много споров велось по вопросу о том, какое воровство называлось

---

¹¹ Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 218-223.

«кримским». Разнообразие мнений было вызвано опиской при переписи грамоты. Ю. Г. Алексеев в «кримском тате» видит не просто вора, а похитителя, покушающегося на государственное достояние или государственную тайну. Н. Н. Мазуркевич и Ф. Н. Устрялов считали, что это воровство из помещения, клети (храмины), М. Ф. Владимирский-Буданов и вслед за ним С. В. Юшков доказывали, что речь идет о краже церковного имущества из церкви, т.е. не только непосредственно церковного имущества, но и не церковного, хранившегося в церкви (чаще всего в подклети).

Простой татьбой считалась татьба, совершенная в первый и второй раз, за исключением татьбы из Крома и конокрадства. Простая татьба наказывалась продажей – денежным штрафом в пользу князя и вознаграждением в пользу потерпевшего.

Кража мелкого рогатого скота и домашней птицы регламентировалась специально статьей 112. Судная Грамота не различала кражи из закрытых помещений от кражи из открытых помещений. Независимо от того, откуда произошла кража, если она была совершена в первый или второй раз, виновный платил продажу в пользу князя в размере 9 денег. Хотя в статье говорится лишь о продаже в пользу князя, но вероятно, что пострадавший также получал денежную компенсацию от вора.¹²расс

О происшедшей краже потерпевший должен был немедленно сообщать старосте, ближайшим соседям или посторонним лицам, которые окажутся на месте совершения преступления.

Псковская Судная Грамота не устанавливала различий между грабежом и разбоем. За эти преступления было установлено одинаковое наказание – продажа в пользу города Пскова 9 гривен, в пользу князя – 19 денег и в пользу князя и посадника – 4 деньги.

Рассмотрение дел о грабежах обставлялось рядом формальностей. Прежде всего суд должен был допросить самого потерпевшего обо всех обстоятельствах дела. Кроме того, потерпевший должен был указать суду тех лиц, кото-

---

¹² Юшков С. В. Памятники русского права. Екатеринбург, 2020. С. 17-20.

рым он заявлял о грабеже. Если послух, вызванный в суд, подтверждал это обстоятельство, то дело решалось по желанию ответчика. Последний имеет право или выйти на поединок с послухом или положить у креста цену иска, обязав послуха присягнуть, что он показывает правду (статья 20).

Примирение потерпевшего с преступником было возможно на любой стадии процесса по тем делам, по которым полагалась продажа в пользу князя и денежное вознаграждение в пользу пострадавшего. Такое примирение, в частности, было возможно и по делам о татьбе и разбое. Поэтому если пострадавший отказывался от своего иска к вору или разбойнику, то в этом случае и князь лишался своей продажи с виновного. В статье 52 по этому вопросу говорится следующее: «А на татии и на разбойники же, чего истец не возьмет, и князю продажа не взята».¹³

Такое примирение сторон было возможно по делам, по которым виновный наказывался продажей. Если же виновный совершил, например, квалифицированную татьбу, за которую полагалась смертная казнь, то такое примирение было уже невозможным.

Псковская Судная Грамота выделяет некоторые преступные деяния, которые, не будучи грабежом в буквальном смысле этого слова, приравниваются по своей опасности к грабежу. Таким действием считалось самовольное взятие истцом какого-либо имущества у ответчика. Истец в этом случае привлекался к ответственности как разбойник. Кроме того, он должен уплатить продажу в пользу князя в размере рубля, а также внести причитающуюся плату приставу.

В статье 1 упоминается особый вид преступления – наход, за совершение которого виновные наказывались так же, как за разбой и грабеж. Профессор С. В. Юшков считает наход разбоем, произведенным шайкой. Иного мнения придерживается профессор М. М. Исаев: «Под находом или наездам понималось самоуправное нападение на недвижимую собственность или владение другого из-за поземельных или каких-либо личных счетов, сопровождавшееся обычно боем и грабежом, но бой и грабеж не были целью находом или наезда».

---

¹³ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 95.

Наконец, к числу имущественных преступлений относился поджог, который наказывался смертной казнью. Если против «зажигалника» не было улик, а только подозрение, то он освобождался от ответственности, присягнув в том, что он данного преступления не совершал, так в соответствии со статьей 116, если кто-нибудь будет обвинять другого в поджоге, а улики никакой не будет, то обвиняемый может очистить себя вольной присягаю.

В. Н. Рябчук, рассматривая «зажигалника» как лицо, которое, поджигая город, посягает при этом на общественное спокойствие либо преследует цель оказать этим содействие военному противнику, выдвигает следующую точку зрения: «Таким образом, в современном понимании зажигалник совершал либо акт терроризма, подобный тому, который описан в статье 205 УК РФ 1996 года, либо диверсию (статья 281 УК РФ), осуществленную в целях оказания помощи военному противнику».¹⁴

Конкретные виды смертной казни в Псковской Грамоте не определялись. Из летописей известно, что воров обычно вешали (эта казнь была традиционной для таких преступников и пришла на Русь из Византии), поджигателей сжигали, изменников побивала толпа, убийцам отрубали голову, а также известно было и утопление.

Штрафы (продажи) взимались в пользу князя, часть суммы поступала в казну Пскова. Одновременно с выплатой штрафа виновный должен был возместить ущерб.

Смертная казнь была установлена за измену, кражу из Кремля, конокрадство и поджог (статья 7) и за кражу, совершенную в третий раз. Воров сжигали или вешали.

Вторым видом наказания по Псковской Судной Грамоте была продажа. Продажа поступала в пользу князя. По Судной Грамоте наивысшей была продажа в сумме двух рублей. Она взималась за вырывание бороды, что уже указывалось ранее.¹⁵

---

¹⁴ Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 231.

¹⁵ Юшков С. В. Памятники русского права. Екатеринбург, 2020. С. 17-20.

Следующим по размеру и наиболее частым наказанием было наказание в размере 1 рубля (рис. 2).

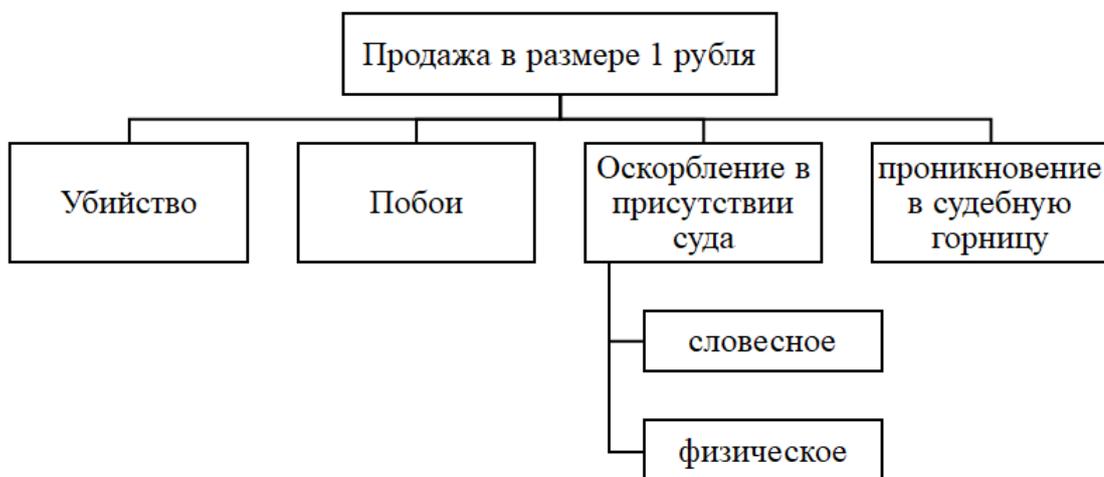

Рисунок 2 – Виды преступлений за которые взималась продажа в размере 1 рубля

Далее шла продажа или штраф за разбой, грабеж и наход. За эти преступления взималась продажа в размере 9 гривен в пользу города Пскова, в пользу князя - 19 денег и в пользу князя и посадника – 4 деньги (статья 1).

Продажа в размере 9 денег взыскивалась за простую кражу (статья 1). За кражу мелкого скота и домашней птицы взыскивалась следующая продажа: за кражу барана, овцы, гусака и гусыни – 3 деньги и за кражу утки, селезня, петуха и курицы – 2 деньги (статья 112).

Кроме продажи, поступавшей в пользу князя, виновный должен был платить денежное вознаграждение потерпевшему или его родственникам.

Псковская Судная Грамота не знала специального термина для обозначения денежного вознаграждения в пользу потерпевшего или родственников убитого. Обычно Судная Грамота определяет это вознаграждение в следующих выражениях: «...а грабеж судити рублем...» (статья 67); «А (за) барана присуждать 6 денег, а за овцу 10 денег государю» (статья 112); «...ино за бороду присудили два рубля...» (статья 117).

Установление денежного штрафа за большинство преступлений было угодно и выгодно только господствующему классу – феодалам. Именно они могли отделаться от наказания, уплатив причитающуюся с них сумму, в то

время как неимущие классы закабалились на всю жизнь. Таким образом, денежный штраф и денежное вознаграждение были могучим средством расправы господствующего класса с трудящимися массами, посредством его угнетения и закабаления. В данном случае государственная власть в лице суда приходила на помощь феодалам с тем, чтобы помочь им еще крепче держать в подчинении и порабощении эксплуатируемые массы.

Ю. Г. Алексеев отмечал, что в Псковской судной грамоте смертной казнью заменен известный Русской правде «поток и разграбление». «Поток и разграбление – лишение гражданских и политических прав, т.е. гражданская смерть. Человек, объявленный вне закона, потерявший все социальные связи, становится беспомощным и незащищенным. Имущество его передается грабежу, сам он может быть немедленно и безнаказанно убит, а семья его продана в рабство. Фактически это смертная казнь с конфискацией имущества. Суть ее – изгнание преступника из того мира, в котором он живет и принадлежность к которому определяет его социальное лицо».¹⁶

«Поток и разграбление» включали меры как личного, так и имущественного характера. Смертная казнь пришла на смену личной составляющей этого наказания. Однако при ее назначении открытым оставался вопрос о судьбе имущества преступника.

Различного рода телесные наказания, в том числе и пытки, не применялись лишь к свободному населению Пскова. Этого нельзя сказать в отношении холопов. Всякий владелец мог наказывать своих холопов за малейшие провинности и упущения любым способом, вплоть до убийства. Однако закон не защищал холопа, ибо он считался вещью, принадлежащей владельцу, который мог поступить с ней, как ему вздумается.

Содержание обвиняемого в крепости от задержания до суда или от суда до приведения приговора в исполнение и наложение оков на преступника также применялось в Пскове. Однако заключение в крепость и наложение оков не

---

¹⁶ Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 218-223.

может рассматриваться как один из видов наказания. Это было лишь мерой, предупреждающей уклонение подозреваемого от следствия и суда.

Итак, Псковская Судная Грамота не знала ни членовредительных, ни болезненных наказаний, ни тюрьмы и ссылки. Процесс закрепощения феодально-зависимого крестьянства и связанное с этим обострение классовых противоречий не достигли в Пскове той силы, какую мы наблюдаем в Московском государстве в середине XVII в. в связи с завершением процесса закрепощения крестьянства. Это обусловило введение в уголовное законодательство наказаний с целью наибольшего устрашения.

2 СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ В ПЕРИОД МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА И СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ

2.1 Система наказаний по Судебнику Ивана III 1497 года и Судебнику Ивана IV 1550 года

Развитие основных положений законодательства, установленных Русской правдой, продолжилось в Судебнике 1497 г. Однако, Иван III внес существенные изменения и дополнения в некоторые положения. Одним из основных юридических достижений Ивана III в развитии законодательства было объединение и систематизация формальной стороны судопроизводства и судебного процесса¹⁷.

Кроме того, именно Судебник 1497 г. ввел ответственность за нарушения против правосудия как такового¹⁸. Так, было введено наказание за:

- нарушение судьями запрета на прием тайных вознаграждений;
- отказ в правосудии;
- изменение судебных решений для достижения своей личной выгоды.

Свидетели, которые дают ложные показания для получения выгоды или же после получения вознаграждения в соответствии со статьей 67 подвергались наказанию¹. Если свидетель в назначенный день пропускал судебное заседание, он должен был выплатить размер иска, пошлину и убытки. Это наказание несли даже те свидетели, которые ранее уже давали показания по делу во время досудебного разбирательства¹⁹.

Однако, для осуществляющих правосудие лиц санкции за нарушение запретов Судебника не было. При этом, ст. 68 судебногоника устанавливала ответственность за неподчинение лица, которые осуществляют правосудие. Итак, если тем, кто не принимает участия в «судебном поединке» предъявили требование «удалиться» с места его проведения, а они ослушались, в этом случае с них

¹⁷ Михайлов М. М. Избранные произведения. М., 2014. С. 48.

¹⁸ Валеев Д. Х., Валеева Г. А. История науки гражданского права и процесса: Е.В. Васильковский и юридический факультет Казанского университета // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 7. С. 60.

¹⁹ Зигидуллин М. Р. Юридическая ответственность в судебном процессе России по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Ученые записки Казанского университета. 2019. № 161. С. 32.

взыскивалась сумма иска и судебных пошлин, а также они подвергались «великокняжескому суду»²⁰.

Если ответчик не явился на суд в течении 8 дней с назначенного срока, в соответствии со ст. 27 он получал «бессудную грамоту».

Согласно ст. 32 виновная по решению суда сторона компенсирует потерпевшему все убытки, понесенные им в ходе судебного разбирательства, а также расходы, которые были связаны с «выдачей срочной, правой или бессудной грамот»²¹.

Особое внимание в Судебнике уделялось преступлениям должностных лиц. А. Рожков отмечал, что благодаря Судебнику 1497 г. повысилась роль суда и содействующих ему органов правосудия как органов государственной власти и правосудия. Кроме того, признавалась необходимость разработки норм уголовного законодательства для регулирования деятельности судебных чиновников. А. Н. Сквозняков пишет, что основной проблемой Судебника 1497 г. было отсутствие четких, прописанных различий между судебной ошибкой и должностным преступлением, что существенно усложняло процесс правосудия и увеличивало путаницу и сложности в проведении судебных разбирательств с участием чиновников как обвиняемых²².

Итак, все преступления должностных лиц согласно Судебнику делились на преступления должностных лиц судебного ведомства и преступления частных лиц. В отношении судей существовало два запрета: так, судья не мог отказать в судебной защите, а также не мог получать вознаграждение за рассмотрение конкретных судебных дел от его участников. Введение данных запретов, согласно С.И. Штамму, было вызвано распространением практики дарения ценных вещей, потерей объективности правосудия. Следует отметить, что Судебник 1497 года только устанавливал запрет на посулы, а наказание за прием даров судьями было установлено Судебником 1550 г., согласно которому судья

²⁰ Загидуллин М. Р. Зарождение юридической ответственности в российском судебном процессе // Вестн. граждан. процесса. 2016. № 5. С. 164.

²¹ Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в судебном процессе России по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Ученые записки Казанского университета. 2019. № 161. С. 32.

²² Георгиевский Е. В. Интересы правосудия как объект охраны в уголовном праве московского государства // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2. С. 83.

должен был возместить тройную сумму иска, и подвергался тройному наказанию²³.

Судья мог принять к рассмотрению дело только в том случае, если оно соответствует уровню его компетентности, что закреплялось в ст. 2 Судебника, иначе дело передавалось в соответствии с признаком подсудности другому судье по предварительному информированию Великого Князя.

Если суд был несправедлив, «неправ», судья нес уголовную ответственность в соответствии со ст. 19 Судебника. Несправедливостью суда могло быть ненадлежащее рассмотрение, предвзятость. После признания решения суда незаконным, ответчику возмещалась вся сумма взысканий. При этом, что является достаточно важной характеристикой судебной системы того времени, судья не нес ответственности за свое решение. Дело просто передавалось другому судье для повторного рассмотрения. А. А. Рожков отмечал, что Судебник не предусматривал наличие злого умысла у судьи при вынесении несправедливого решения, что и объясняло отсутствие наказания за «неправый суд»²⁴.

Вые отмечалось, что судья не имел права принимать дары, подношения («посулы»), но это относится и к иным участникам судебного процесса, то есть ко всему судебному персоналу (приставам, тиунам, дьякам и т.д.). Судебник отмечал, что они не имеют права принимать «посулы», служить по месту проживания, но при этом не указывалось, какое наказание они за это понесут. А. А. Рожнов отмечал, что это существенно снижало превентивную эффективность уголовных норм²⁵.

В судебнике 1497 г. отдельно рассматривались преступления против правосудия, совершаемые частными лицами:

- ябидничество (ст. 39), которое каралось смертной казнью²⁶;
- неявка свидетеля в суд (ст. 50), что наказывалось оплатой пошлины и

²³ Штамм С. И. Судебник 1497 г. М. : Госюриздат, 1955. 112 с.

²⁴ Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV-XVII вв.). М. : Юрлитинформ, 2012. 512 с.

²⁵ Дворянсков И. В., Друзин А. И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование). М., 2002. С. 24.

²⁶ Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 219.

суммы иска;

– лжесвидетельствование, которое наказывалось оплатой пошлины и иска, а также возмещением убытков²⁷;

– отказ частными лицами покинуть место суда, то есть нарушение объективности суда²⁸.

Дальнейшее развитие законодательства произошло с разработкой Судебника 1550 г. Однако, как и разработчиков Судебника 1497 г., их в большей степени интересовала система наказаний за преступления против суда, власти и государства. В судебнике 1550 г. закрепляется то, что уголовным судопроизводством должны заниматься отдельные учреждения и должностные лица (губные старосты), целовальники, выбранные из жителей населенного пункта²⁹.

Порядку осуществления судебных разбирательств была посвящена ст. 1 Судебника, в которой указывалось, что помимо судьи в судебном процессе принимали участие казначеи, дворецкие и дьяки³⁰.

Ст. 2-5 были посвящены наказаниям за злоупотребления судебной властью в ходе разбирательств. Кроме того, в отличие от Судебника 1497 г., в Судебнике 1550 г. устанавливалось, что судья даже за «бесхитростное» неправосудие судья несет полную материальную ответственность. И. В. Дворянкова отмечает, что это было первым шагом в попытке разделения судебной ошибки и преступления должностного лица, чего ранее не было³¹. Важным шагом было разграничение наказания за вынесение несправедливого решения в результате получения взятки конкретного должностного лица, и наказание выносилось царем. Так, судьи несли и материальную, и уголовную ответственность в соответствии с указанием царя. Дьяки при получении взятки возмещали материальный ущерб и подвергались тюремному заключению. Подьячий подвергался битью

---

²⁷ Штамм С. И. Судебник 1497 г. М., 1955. С. 20.

²⁸ Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV-XVII вв.). М. : Юрлитинформ, 2012. С. 138.

²⁹ Загидуллин М. Р. Зарождение юридической ответственности в российском судебном процессе // Вестн. граждан. процесса. 2016. № 5. С. 164.

³⁰ Российское законодательство X-XX веков : тексты и комментарий / под ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 131.

³¹ Дворянков И. В. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование). М., 2002. С. 29.

кнутом на площади, а количество раз определялось размером взятки³².

Наказание за ябедничество также претерпело изменения. В ст. 6 указывалось, что ябедник подлежал битью кнутом на площади и последующее заключение в тюрьму (ст. 6, ст. 8-11)³³. А. А. Рожнов в качестве отдельной формы ябедничества рассматривал завышение размера судебного иска (ст. 72), что наказывалось компенсацией ущерба и битьем кнута³⁴.

Освобождение лица, находящегося на временном заключении во время следствия, за взятку наказывалось материальным возмещением, предварительным заключением и битьем кнута на торговой площади (ст. 53)³⁵.

Наказание за ненадлежащее оформление судебных разбирательств и процедуры суда рассматривалось в ст. 69. Так, впервые было указано, что Царь вправе сам установить наказание должностным лицам, которые осуществили судебный подлог, нарушили процедуру осуществления правосудия³⁶.

Отметим, что предусматривали посягательства на основы правосудия в Московском царстве губные и земские грамоты, а также Уставные книги Разбойного приказа³⁷.

Приведем отдельно точку зрения А. А. Рожнова, который достаточно точно указал на двойкость преступлений должностных лиц против правосудия. Так, наказуемым считалось только умышленное³⁸ совершение преступления, злоупотребление полномочиями, а именно взяточничество, исполнение обязанностей во вред правосудию и государству, но при этом наказывались и за недобросовестное выполнение обязанностей при задержании и охраной преступников. Отметим, что 10 статей Судебника 1550 г. содержали описание наказа-

---

³² Российское законодательство X-XX веков : тексты и коммент. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.

³³ Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV-XVII вв.). М. : Юрлитинформ, 2012. . С. 138.

³⁴ Там же.

³⁵ Сквозников А. Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. Право. 2012. № 1 (11). С. 79-84.

³⁶ Фетищев Д. В. Судебная власть в современном государстве: сравнительно-правовое исследование (история, теория и практика). М. : Науч. книга, 2007. 312 с.

³⁷ Георгиевский Е.В. Интересы правосудия как объект охраны в уголовном праве московского государства // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2. С. 84.

³⁸ Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV-XVII вв.). М. : Юрлитинформ, 2012. С. 166.

ний за различные должностные преступления, которые подразумевали как материальную, так и уголовную ответственность.

По-новому начали рассматривать примирение сторон до начала судебного поединка (ст. 9). С обеих сторон взыскивалась оплата досудебных расходов в пользу дьяков и окольников, но полевая пошлина не уплачивалась³⁹.

Однако, если устанавливалось, что одна из сторон брала сверх пошлины (в ходе примирения до или во время судебного поединка), второй стороне отдавалось втрое больше, а виновное лицо сажалось в тюрьму, его наказывали публичным битьем плетей и после этого он подвергался тюремному заключению (ст.ст. 10, 11). Аналогичное наказание выносилось в отношении тех, кто:

- сбежал перед судебным поединком;
- подделал докладные списки, правовые грамоты, бессудные грамоты.

Относительно посторонних, вмешавшихся в судебный поединок (ст. 13), при неявке свидетелей в суд (ст. 18) наказание осталось прежним⁴⁰. Однако, допускалось, что свидетель может судиться с приставом для корректировки срока тюремного заключения.

Отдельно выделили статью (ст. 15), в которой рассматривался порядок действий в случае установления расхождений в показаниях свидетелей по договорам (при отсутствии кабальной сделки). Правдивыми признавались показания победившего в поединке свидетелей. При наличии расхождений по кабальной сделке, дьяк устанавливал правдивость показаний свидетелей самостоятельно⁴¹.

Несколько претерпело изменение наказание за взятку. В соответствии с Судебником 1550 г. наказание за взятку различалось по строгости в зависимости от того, бралась эта взятка лично или же через недельщика, который в последующем увольнялся с должности и отбывал тюремное заключение (ст. 32).

С введением Судебника 1550 г. появилась ответственность для ездоков за

---

³⁹ Зигидуллин М. Р. Юридическая ответственность в судебном процессе России по Судебникам 1497 и 1550 гг. // М.Р. Зигидуллин // Ученые записки Казанского университета. 2019. № 161. С. 32-40.

⁴⁰ Загидуллин М. Р. Зарождение юридической ответственности в российском судебном процессе // Вестн. граждан. процесса. 2016. № 5. С. 164-176.

⁴¹ Зигидуллин М. Р. Юридическая ответственность в судебном процессе России по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Ученые записки Казанского университета. 2019. № 161. С. 34.

оскорбления, незаконные штрафы, деятельность без предварительной регистрации у дьякона. Ездоки оплачивали штраф недельщику и подвергались битью плетью с последующим тюремным заключением. Истцы получали компенсацию от ездока без поведения судебного поединка. Ездоки не могли осуществлять свою деятельность по месту проживания, по поручению других недельщиков (за исключением своего непосредственного управляющего). Отдельно рассматривались ситуации, когда ездок и недельщик совместно нарушали закон, вступали в сговор (ст. 47).

Волокита при оформлении срочных и бессудных грамот крестьянам рассматривалась как отдельное преступление (ст. 49). С лица, ответственного за волокиту, взыскивался штраф, размер которого вычислялся исходя из количества дней просрочки выдачи грамоты.

В ст. 50 закреплялась материальная ответственность за оформление и ссылку на поддельные документы.

Вне зависимости от виновного лица, клевета и лжесвидетельство по Судебнику 1550 г. каралась смертной казнью (ст. 59-60)⁴².

Итак, проведем сравнительный анализ положений Судебника 1497 г. и Судебника 1550 г., а также судебных грамот. В результате введения судебных гражданские и уголовные дела были разделены между собой, ответственность по ним стала существенно отличаться. Суд как таковой начал процесс институционализации, а некоторые должности стали выборными. Кроме того, появились новые меры юридической ответственности (рис. 3).

По рисунку и сравнению существующих видов наказания можно отметить, что за одно и то же преступление может быть несколько видов наказания, которые могут применяться последовательно за одно преступление. Кроме того, материальные взыскания, уплата пошлин были попыткой осуществления процессуальной экономии, покрытием судебных расходов и оправданием содержания должностных лиц и чиновников.

---

⁴² Зигидуллин М.Р. Юридическая ответственность в судебном процессе России по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Ученые записки Казанского университета. 2019. № 161. С. 32-40.

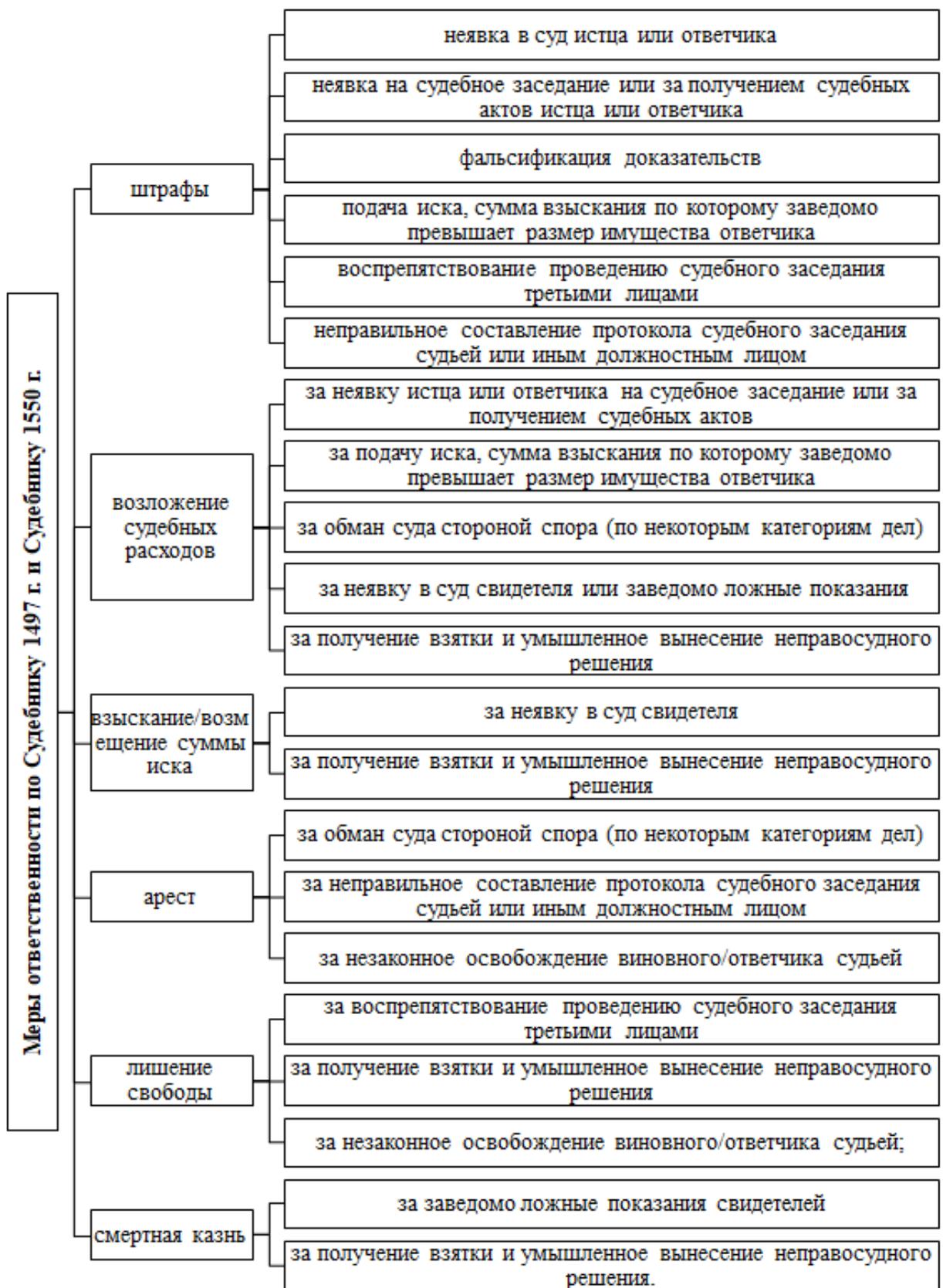

Рисунок 3 – Меры ответственности по Судебнику 1497 г. и Судебнику 1550 г.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Судебник 1497 года продолжил развитие законодательства в отношении закрепления централизованной власти, укрепления положения должностных лиц, но при

этом и усиление власти государственной власти для препятствования беззаконию, злоупотреблению со стороны чиновников. Судебник 1550 г. является попыткой ликвидировать пробелы законодательства, выявленные ранее, сформировать единую систему судопроизводства. Он значительно разнообразнее предыдущих нормативных актов в плане наказаний и классификации преступлений.

2.2 Система наказаний по Соборному Уложению 1649 года

Соборное Уложение 1649 г. существенно отличается от действующих до него Судебников. Наказания стали на много более жестокими, суровыми, они выносились не только для наказания виновного, но и для того, чтобы вызвать страх в окружающих⁴³. Наказания стали допускать нанесение увечий, обесчещение, членовредительство, что постепенно стало привычным и повседневным, перестав вызывать страх. Кроме того, наказание повторяло преступление или было равно ему по жестокости и ущербу, могло быть направлено против того органа, которым совершалось (клевета, лжесвидетельство каралось отрезанием языка, кража – отрубанием руки).

Уголовные наказания стали индивидуальными, то есть вина лежала только на лице, непосредственно виновном, а не на всей семье. Исключения были применимы только в отношении помещиков, совершивших убийство или покалечившим чужого крестьянина: они отдавали своего, а не карались сами.

Тем не менее, по-прежнему сохранялась некоторая неопределенность при назначении наказаний в виде тюремного заключения (сохранялись формулировки «на сколько Государь укажет») (ст. 42-44, ст. 186-188). Так, длительность наказания могла быть от нескольких дней до пожизненного срока, но при этом заключенного могли освободить в любой момент при соответствующем распоряжении. Кроме того, длительность наказания зависела от сословия и уровня достатка заключенного, что вызвало классовый характер наказания в виде тюремного заключения.

---

⁴³ Дьяконова А. А. Система уголовных наказаний России (IX – начало XX вв.): история, особенности развития // Научные достижения и открытия современной молодежи сборник статей победителей международной научно-практической конференции. 2017. С. 52.

В Соборном уложении 1649 г. сохранилась множественность наказаний за одно и то же преступление: за кражу могли вынести наказание в виде тюремного заключения, торговой казни, смертной казни. Но даже разные лица за одно и то же преступления могли быть подвергнуты разным наказаниям, исходя из сословия.

Структура системы наказаний приведена на рис. 4⁴⁴.

Рисунок 4 – Структура системы наказаний по Судебному Уложению

Впервые получили свое закрепление бесчестящие наказания, к числу которых относятся: выговор в присутствии понятых, выдача головой, лишение званий или понижение в чине, к примеру перевод из бояр в дворяне.

Уложение включает тюремное заключение, выделяющееся как в качестве предварительной, так и в качестве основной санкции. Под лишением свободы понимается тюремное заключение, которое может быть срочным (от трех дней до четырех лет) или бессрочным («до государева указа»). Относительно пожиз-

⁴⁴ Сидоркин А. И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX-XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения. Казань, 2012. С. 21.

ненного лишения свободы среди исследователей возникают разногласия. Одни ученые придерживаются деления лишения свободы на срочное и бессрочное, другие выступают и за пожизненное лишение свободы, в числе которых находится Н. Д. Сергеевский. Автор утверждает, что в статье 28 Уложения содержится следующее: лицо, которого поймали за разбой, но с повторной попытки не подтверждает свою вину и люди знают его «разбоем и иными лихими делами» – подвергается тюремному заключению на смерть.

Однако в Уложении наказание в виде пожизненного лишения свободы не предусматривается.

Во-первых, пожизненное лишение свободы в отношении военнослужащих законом не регламентировалось, было бы неуместной мерой наказания, так как в то время существовала потребность в военных ресурсах в связи с повышенной внешнеполитической расположенностью российского государства. Так, за самовольный отпуск боярином служилых людей со службы виновного били кнутом. Также за подобные действия, которые совершались нижестоящим военачальником, предусматривалось – битье батогами в качестве основного наказания, а лишение свободы – как дополнительное.

Во-вторых, согласно статье 28 Уложения если тяглый посадский человек оскорбит митрополита, архиепископа, то виновного надлежало бить батогами или подвергнуть на три или четыре дня тюремному заключению. За оскорбление Патриарха тоже не предусматривалось лишение свободы, а лишь санкция в виде битья кнутом и тюрьма на один месяц. Следовательно, указанные нормы не содержали пожизненного лишения свободы.

Членовредительные наказания обладали страшными, бесчеловечными истязаниями, которым подвергался преступник. Наказание проводилось публично среди широкой массы людей⁴⁵.

Покровская А. Ю. выделяет виды наказания кнутом:

- 1) простое;
- 2) нещадное и жестокое;

---

⁴⁵ Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 1996. С. 159.

- 3) публичное на торгу;
- 4) имевшее последствием ссылку, иногда даже пожизненную⁴⁶.

Среди болезненных наказаний выделяются: битье батогами, кнутом, торговая казнь. 30-50 ударов батогами приводило к смерти. Такая санкция получила наименование «правеж» – метод к принуждению для исполнения решения суда по имущественным искам. Битье кнутом широко применялось для лиц, оскорбивших родителей, отказавшиеся содержать по достижении родителями преклонного возраста. «...И им за то незаконное и скверное дело учинити жестокое наказание, бити кнутом» (ст. 133).

Смертная казнь – высшая мера наказания, получившая широкое распространение среди санкций, закрепленных Уложением 1649 года. Беспощадные способы совершения такого наказания свидетельствуют о господстве языческих обычаев среди московского государства. В юридической литературе существуют расхождения по количеству способов применения смертной казни. А. Ф. Кистяковский полагает, что смертная казнь предусмотрена в 54 случаях, А. Г. Маньков утверждает, что существует 60 способов, Н. Д. Сергиевский выделяет 64 случая. Н. П. Загоскина считает, что количество случаев может быть и больше, если учесть «жестокие» и «безжалостные»⁴⁷ виды наказаний (рис. 5).

Смертная казнь устанавливалась за составление подложных бумаг от имени государя, а также их подделку, убийство судьи, клевета, употребление, продажу табака, а также за церковные преступления⁴⁸. Также особое внимание уделялось охране церковного имущества.

К группе имущественных наказаний относятся: штраф, пеня, конфискация. Штрафы являются средством для искупления вины, такие убытки истца возмещались из имущества преступника. Пеня применяется к преступлениям против порядка государственного управления⁴⁹. Уложением закреплен порядок конфискации, согласно которому конфискации подвергалось движимое и не-

---

⁴⁶ Покровская А. Ю. История телесных наказаний в русском уголовном праве. М., 2005. С. 25.

⁴⁷ Маньков А. В. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. М. 1980. С. 123.

⁴⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах. СПб., 1836. Т. 4. № 100.

⁴⁹ Луппова М. А. К вопросу о системе наказаний и практика ее применения по Соборному Уложению 1649 года Молодой ученый. 2021. № 20 (362). С. 346-349.

движимое имущество. Такое имущество поступало в государственную казну.

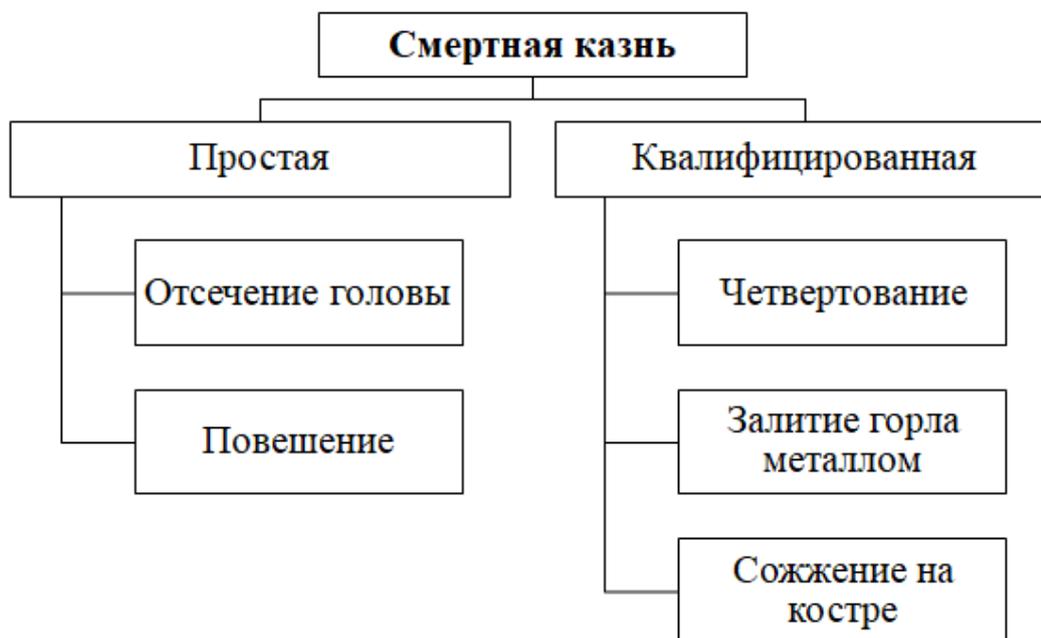

Рисунок 5 – Виды смертной казни

Соборное уложение 1649 г. продолжило курс на более четкую дифференциацию преступлений, посягающих на судебную власть и правосудие как со стороны специальных, так и общих субъектов. При этом к уже вполне сформировавшимся посягательствам на основы правосудия добавились некоторые новые составы. Как полагает А. Г. Маньков, преступления должностных лиц судебных органов составляли достаточно большую группу в Соборном уложении. «Основной вид преступлений здесь составлял неправый суд, – пишет А. Г. Маньков, – за взятку или в результате пристрастного отношения к подсудимому в результате дружбы или вражды. Мотив о посуле как о служебном преступлении является одним из доминирующих в Уложении в части приказного и воеводского управления и судопроизводства, свидетельствуя о процветании коррупции и произвола среди феодальной администрации. При неправом суде истцов иск обращался против судей любого звания, повинных в этом, причем в тройном размере. С них же взыскивались судебные пошлины, пересуд и правый десяток, которые шли в пользу казны⁵⁰. Судьи снимались с должностей, думные чины лишались чести, а недумные подвергались торговой казни (X, 5, 6, 15).

⁵⁰ Маньков А. Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л. : Наука, 1980. С. 212.

Аналогичные кары за те же преступления предусматривались и в отношении судей патриаршего двора (XII, 2).

Предусматривало Соборное уложение возможность получения взятки не самим судьей, а его родственниками (ст. 7). В этом случае судья не нес ответственности, но закон обязывал «сыскивать накрепко», т. е. устанавливать такие случаи⁵¹.

Устанавливалась уголовная ответственность за нерадивое отношение к своим обязанностям судейских чиновников среднего звена. Преступлениями таких субъектов признавались: волокита при рассмотрении дел в приказах, внесение изменений в тексты судных списков, вынос судного дела из приказа «для хитрости»⁵².

Виды преступлений против правосудия приведены на рис. 6⁵³.

Кроме того, по мнению И. В. Стрыгиной, в ст. 186-188 Соборного уложения начинает формироваться новый состав преступления против правосудия – вымогательство путем предъявления поклепного иска⁵⁴.

Посягательство на судей различного ранга, по мнению Э. М. Агджаева, преследовало определенные цели. В том числе одной из таких целей являлось воспрепятствование деятельности судьи или месть за такую деятельность. «В пользу такого вывода, – пишет Э. М. Агджаев, – свидетельствует то, что данные составы помещены вместе с нормами, регламентирующими процессуальную деятельность суда, следовательно, указанные составы направлены на обеспечение нормальной деятельности судей и их безопасности при осуществлении своих полномочий»⁵⁵.

Еще одну достаточно интересную особенность Соборного уложения в вопросе формирования преступлений против правосудия отмечают И. В. Дворян-

---

⁵¹ Георгиевский Е. В. Интересы правосудия как объект охраны в уголовном праве московского государства / Е.В. Георгиевский, Р. В. Кравцов // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2. С. 83-95.

⁵² Маньков А. Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л. : Наука, 1980. С. 219.

⁵³ Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV-XVII вв.). М. : Юрлитинформ, 2012. 512 с.

⁵⁴ Стрыгина И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 218-223.

⁵⁵ Агджаев Э. М. Историческое развитие законодательной регламентации цели в преступлениях против правосудия в дореволюционный период // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 27

сков, А. И. Друзин и А. И. Чучаев. По мнению исследователей, в соответствии со ст. 173 и 177 Соборного уложения значительно ограничивались права женщин в вопросах дачи свидетельских показаний.

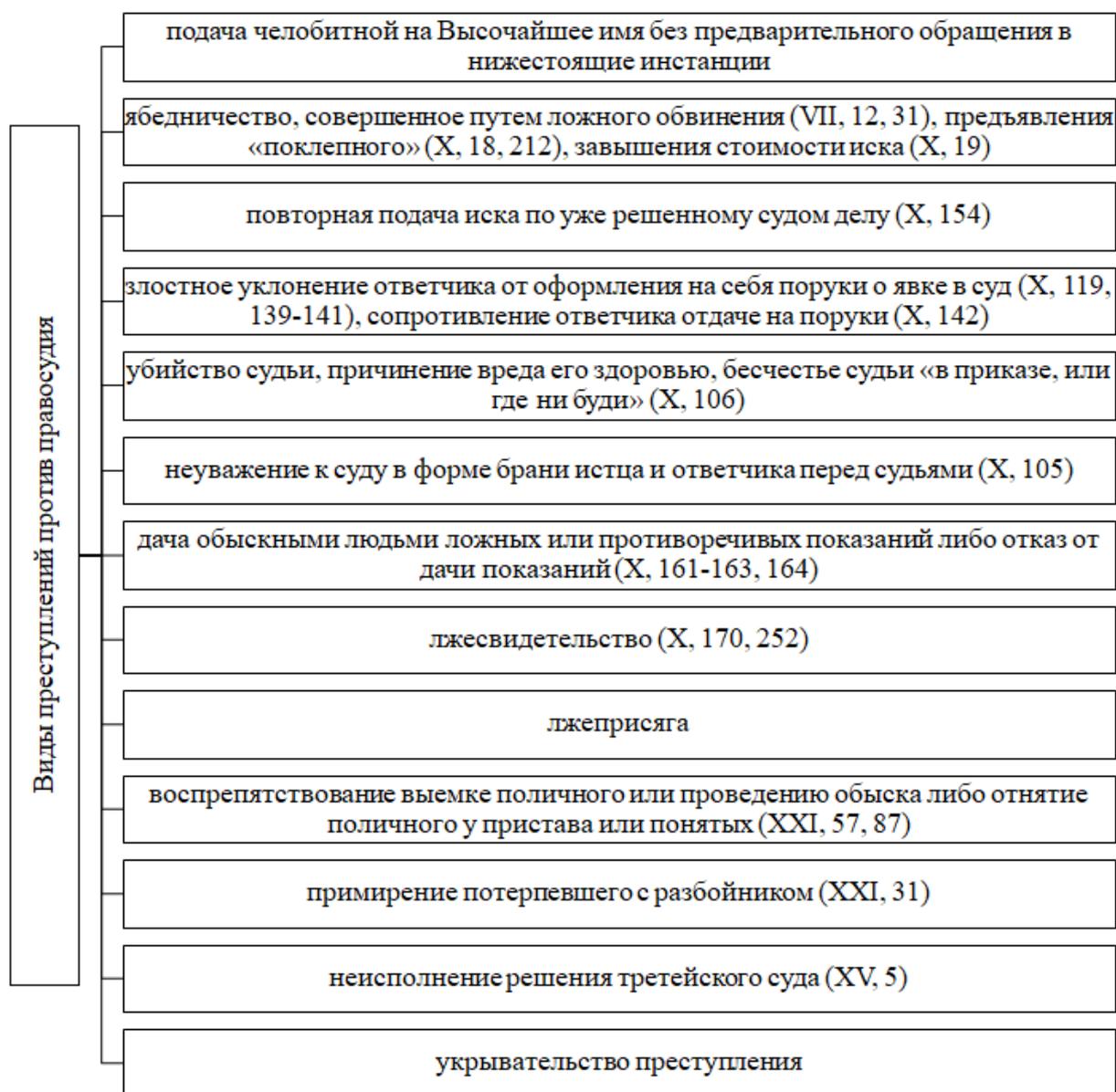

Рисунок 6 – Виды преступлений против правосудия

Во-первых, женщины допускались⁵⁶ к судебному разбирательству только после осуществления особой процедуры (крестного целования перед образом).

Во-вторых, свидетельские показания женщин против своих мужей фактически не имели никакого процессуального «веса».

К числу первых в истории Российского государства законодательных ак-

⁵⁶ Дворянсков И. В. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование). М.: Изд. 4-й филиал Воениздата, 2002. С. 30.

тов, в которых была сделана попытка обобщить нормы, регулирующие военную службу, относят в том числе и Уложение 1649 г.

В зависимости от описания конкретных составов преступлений выделим следующие деяния, посягающие на установленный порядок прохождения военной службы⁵⁷.

1. Военная измена в виде перехода на сторону врага и выдачи сведений военного характера (ст. 20)⁵⁸. Специфика обстановки представляла наибольшую общественную опасность, поэтому Уложение закрепило наказание в виде смертной казни через повешение на виду у неприятельских полков с конфискацией вотчины и поместья со всем движимым и недвижимым имуществом. Приговоренные к смертной казни получали духовное напутствие, для чего им давали 6 недель для покаяния. Лишь после этого они допускались к причастию. Казнь назначалась на 3-й день после причастия. Приговоренному к казни приговор читался публично. К месту казни он шел с зажженной восковой свечой⁵⁹.

2. Самовольное оставление места службы: военнотружущим, распределенным по полкам, запрещалось покидать службу, не дожидаясь отпуска. За первый побег с государевой службы они наказывались кнутом; за второй, сверх наказания кнутом, применялось имущественное наказание в виде изъятия пятидесяти четвертей размера поместья и поместного денежного оклада со ста четвертей по рублю; за третий побег – лишение всех поместий, которые давались за добросовестную службу, а также наказание кнутом.

Побег со службы иноземца, кормового человека, стрельца, казака или даточного человека наказывался более строго. Так, виновные подвергались жестокому наказанию кнутом и высылались к службе с приставами. Одновременно с их жалования производился вычет по расчету. Что касается даточных беглых людей, то за побег взыскивалось с того, кто его определил на службу, из расчета 20 рублей за каждого человека⁶⁰.

---

⁵⁷ Георгиевский Е.В. Интересы правосудия как объект охраны в уголовном праве московского государства // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2.С. 83-95.

⁵⁸ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 95.

⁵⁹ Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 1998. 216 с.

⁶⁰ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 94.

Ответственность военнoслужашего, совершившего бегство с поля боя по причине трусости и малодушия, также предусмотрена Уложением. В подобном случае наказание заключалось в виде отбирания половины поместья, а также половины поместных и денежных окладов в соединении с наказанием кнутом («бити кнутом нещадно»)⁶¹. Наказание кнутом проводилось тремя способами:

- 1) обыкновенный, когда тело наказываемого находилось в висячем положении;
- 2) наказание кнутом в проводку;
- 3) наказание кнутом на козле⁶².

Число ударов кнутом не определялось в законе. На первый взгляд кажется, что их определял судья или исполнитель. Между тем, по мнению Н. Д. Сергеевского, «можно думать, что и в судебных приговорах число ударов определялось весьма редко; по крайней мере следов этого мы нигде не находили». Битье кнутом разделялось на простое (с пощадой) и нещадное (без пощады, без всякого милосердия)⁶³. Если число ударов превышало 50, битье считалось нещадным. От каждого удара оставалась рана толщиной в палец; после нескольких ударов окровавленное тело напоминало животное, с которого содрана кожа. Битье нещадное являлось, по сути, замаскированной смертной казнью⁶⁴.

3. Уклонение от прохождения военной службы, состоящее в умышленном введении виновным в заблуждение лиц, осуществляющих призыв на службу, относительно якобы имеющих возрастных изменений, телесных увечий и болезней⁶⁵. Интересно при этом, что наказание было лишь в виде принудительного доставления к месту его службы⁶⁶.

4. Отпускать ратных людей со службы разрешалось боярам и воеводам в самых крайних случаях, а именно: при домашнем разорении, при побеге крестьян или по иным каким самым нужным делам, но при известии о неприятеле

⁶¹ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 94.

⁶² Лоба В. Е. Преступления против порядка прохождения военной службы в Уложении 1649 г. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 3. С. 8-13.

⁶³ Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 231.

⁶⁴ Малиновский И. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д, 1918.

⁶⁵ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 95.

⁶⁶ Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича / сочинение Профессора Ришельевского Лицея Владимира Линовского. Одесса, 1847. С. 38.

отпуск ни под каким предлогом не дозволялся. Если же бояре и воеводы за взятку («за посул») отпускали домой ратных людей без царского указа, они подвергались такому жестокому наказанию, какое укажет царь⁶⁷. Законодатель этим суровым наказанием как бы подчеркивал, что преступление, совершенное лицом, которое в силу своего служебного положения само призвано обеспечивать воинский правопорядок, свидетельствует о повышенной опасности совершенного деяния и личности виновного⁶⁸.

5. Ответственность за хищение военного имущества. Так, за кражу ружья военным у военнослужащего предусматривалось «битие кнутом нещадно», при этом украденная вещь возвращалась хозяину, а за кражу лошади военным из воинской части последнему отсекалась рука⁶⁹. Руку отсекали без всяких правил – «не задумываясь, как удобнее подвернется»⁷⁰.

6. Многочисленные исторические и литературные источники свидетельствуют, что различного рода преступные посягательства на мирное население в этот период времени совершались в огромных масштабах⁷¹. Вследствие этого с целью пресечения этих преступлений Уложением за убийство и изнасилование, совершенное военным при следовании на службу или со службы, предусматривалась смертная казнь (без определения вида)⁷². В то же время за грабеж, воровство, потраву хлебов и другие имущественные преступления вид и мера наказания за совершенное деяние устанавливались по усмотрению командования⁷³.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, приходим к следующему выводу о том, что Соборное Уложение 1649 года впервые в истории российского уголовного права ввело устрашающую цель, направленную на запугивание граждан. При этом тюремное заключение уходило на второй план и рассматри-

---

⁶⁷ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 94.

⁶⁸ Лоба, В.Е. Преступления против порядка прохождения военной службы в Уложении 1649 г. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 3. С. 8-13.

⁶⁹ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 97.

⁷⁰ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Репринт. изд. Харьков, 1994. С. 29.

⁷¹ Лоба В. Е. Преступления против порядка прохождения военной службы в Уложении 1649 г. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 3. С. 8-13.

⁷² Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 93

⁷³ Там же.

валось в качестве дополнительного наказания. Членовредительские наказания применялись как в качестве основных, так и в качестве дополнительных санкций, главное они должны выделять преступника в обществе. Публичность оказывала сильное психологическое воздействие на осужденного, а сами наказания являлись для него адским мучением. Кроме того, считаю, что отсутствие в Уложении пожизненного лишения свободы связано с экономической ситуацией той эпохи, а именно по причине дороговизны санкции. Следовательно, государство применяло более дешевые наказания – болезненные, членовредительские. Трансформация наказаний, касающихся различных сфер общественности, отвечало интересам московского государства, однако Уложение имело недостатки, в частности отсутствие регламентации в тексте закона пожизненного лишения свободы, установления конкретных количества случаев применения смертной казни к преступнику. Смертная казнь в Уложении оказалась главенствующей среди всех наказаний, приобрела особое значение в укреплении государственности, в создании основ абсолютизма. Однако способы смертной казни свидетельствуют о сохранении в обществе языческих традиций. Так, Соборное Уложение укрепило правовую систему государства, а также стало почвой для формирования и дальнейшего совершенствования законодательства России. Уложение 1649 г. явилось фундаментом зарождения основ военно-уголовного законодательства с выделением его в отдельную систему.

3 СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ С XVIII В. ДО КОНЦА XIX В.

3.1 Система наказаний по Воинским Артикулам 1715 года

С эволюцией государства и общества, развивались и механизмы защиты государства, одним из которых является уголовное право. В уголовном праве данного периода произошли весомые изменения: уточняется понятие «преступление», расширяется круг субъектов преступления, формируются нормы права, регламентирующие отношения между государством и подданными в управленческо-административной сфере и политической жизни общества.

В XVIII веке система преступлений против собственности, представленная нормами Артикулов воинских, получала дальнейшее развитие. Среди составов преступлений были предусмотрены известные ранее кража и грабеж. И. Я. Фойницкий отмечает, что «воинские артикулы в корне изменяют прежнюю терминологию; словом «воровство» они переводят немецкое Diebstahl и заменяют им прежний термин кражи – «татьба». Он подчеркивает, что способ действия описывался словами «украдет», «покрадет», но практика общих судов, естественно, следовала терминологии Уложения, «и, когда хотела сказать о краже в техническом смысле, то всегда употребляла выражение «татьба»; выражение «кража» в ее глазах скорее относилось к способу действия, чем к особому виду преступления».

По нормам Артикулов воинских воровство означало исключительно преступление против собственности и имущества – кражу и только в одном случае в толковании к артикулу 199 упоминается термин воровски, не означающий совершение преступления против собственности, а означающий, что деяние совершено преступно.

Кража по Артикулам воинским разделялась на простую и квалифицированную, например, кража из церкви или иных святых мест и наказывалась квалифицированной смертной казнью в виде колесования. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что при святотатстве не различается место и предмет кражи, особенно кражи на малую сумму «из убожества», и практика обычно применяла к данному преступлению не Воинский устав, а узаконения XVII века.

Впервые артикулом 187 предусмотрен такой квалифицированный вид кражи как кража людей с их последующей продажей.

Отчетливо памятником права различается размер кражи. Толкование артикулов к мелкой краже также относит кражу дров, кур, гусей и рыбы. Стоимость краденного не имела значение, в случае если кража совершалась «на месте, где он караул имел», и наказывалась смертной казнью.

Также памятнику известна кража, совершенная в крупном размере, ценою более двадцати рублей. М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что оценка преступлений исходя из цены вещи, заимствована из немецкого права. Она представляла собой квалифицированную кражу, за что устанавливалась смертная казнь в виде повешания.

М. Ф. Владимирский-Буданов выделяет большую и малую кражи, которые наказываются при малой краже различными наказаниями, в зависимости от количества повторений (до трех раз), при большой – смертной казнью, при этом о количестве повторений не могло быть и речи.

Примечательно, что впервые в данном артикуле устанавливается такой состав преступления как кража в бедственной ситуации, а атмосфере безнаказанности «во время нужды водяной или пожарной», наказываемая смертной казнью в виде повешания.

Особо отмечается артикулом кража «от своего собственного господина или от товарища своего», наказываемая смертной казнью в виде повешания. Особый состав преступлений против собственности составляла кража амуниции монарха.

Различие понятий кражи, мошенничества и грабежа было введено в законодательство Екатериной II. Грабеж представлял собой явное похищение чужого имущества, совершенное путем вооруженного насилия или без него.

Грабеж мог быть совершен с применением оружия и наказывался квалифицированной смертной казнью, что было связано с тем, что нападение с оружием представляло большую общественную опасность и могло причинить большой вред. Грабеж совершенный без оружия, применения насилия, не создавший угрозу причинения вреда жизни и здоровью лица, наказывался шпицрутенами.

В XVIII веке санкционировалось право на грабеж, после того, как прекращалось сопротивление неприятеля, что было установлено главой 14 Артикулов воинских.

Среди имущественных преступлений был предусмотрен такой состав как утайка чужого имущества, отданного на сохранение, присвоение находки, повреждение или истребление чужой собственности. За совершение имущественных преступлений виновные подвергались колесованию, сожжению, повешению, отсечению головы, наказанию шпицрутенами, отсечению носа и ушей, каторге.

Присвоение находки, невозвращение найденной вещи ее владельцу рассматривалось в качестве кражи.

Артикулом 193 предусматривается присвоение чужого имущества, стоимость украденного имущества имела значение при определении наказания за присвоение чужого имущества.

Самостоятельным составом преступления являлось вымогательство, предусмотренное артикулом 183.

Новым составом преступления против собственности, впервые предусмотренным в памятнике права – растрата казенных денег. М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что растрата была приравнена к краже. Примечательно, что в данном случае речь идет о растрате только части имущества. Комментаторами Артикулов воинских отграничивается растрата от казнокрадства и отмечается, что в случае растраты речь идет о деньгах, полученных правомерным путем.

В качестве особого вида кражи в Артикулах был сформулирован состав казнокрадства «под которым разумеется присвоение не только казенных вещей, но и употребление казенных денег для личных торговых оборотов, а также злоупотребления при подрядах; за эти деяния полагается смертная казнь через повешение».

Поджог представлял собой способ уничтожения или повреждения чужого имущества.

И. Я. Фойницкий отмечает, что уголовно-правовое понятие обмана в Воинских артикулах поставлено на почву доктрины общегерманского права того времени. Как считает М. Ф. Владимирский-Буданов «мошенничество и в XVIII веке

неясно отличено от кражи». В период от Артикулов воинских до Уложения о наказаниях уголовных и исправительных «мошенничество в смысле уголовно-правового понятия постепенно вытесняется при весьма заметном содействии русской судебной практики и завоевывает себе все более и более общее значение». Как подчеркивает И. Я. Фойницкий «общего определения о преступности данного обмана Воинские артикулы не содержат»⁷⁴.

Основной целью наказания по Артикулам являлось устрашение, что явствовало из специальных оговорок типа «дабы через то страх подать и оных от таких непристойностей удержать». Устрашение сочеталось с публичностью наказаний. Архаический элемент мести, возмездия становился дополнительным по отношению к устрашению. Преступнику отсекали тот орган, посредством которого он совершил преступные действия.

Изоляция, исключение из общества преступника, становится определенно выраженной целью наказания. Труд преступников использовали при строительстве Санкт-Петербурга, гаваней, дорог, каналов, при работе в рудниках и мануфактурах (рис. 7).

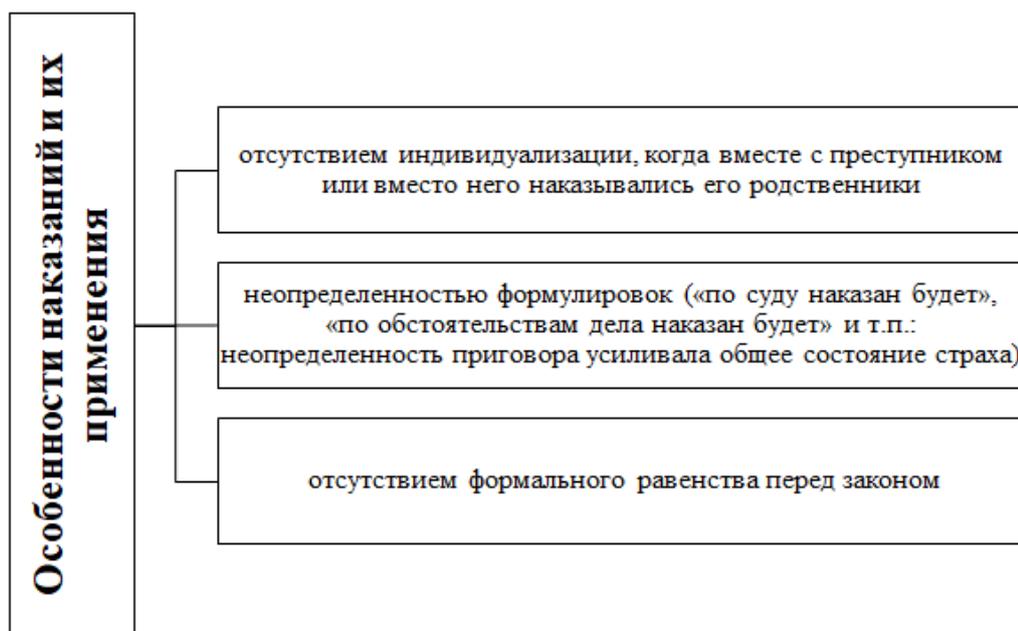

Рисунок 7 – Особенности наказаний и их применения

⁷⁴ Федорова А. Н. Система преступлений против собственности по Артикулам воинским 1715 года . [Электронный ресурс]. URL: <https://naukarus.com/sistema-prestupleniy-protiv-sobstvennosti-po-artikulam-voinskim-1715-goda> (дата обращения: 18.04.2022).

Виды наказаний в соответствии с Воинскими Артикулами несколько изменились (рис. 8).

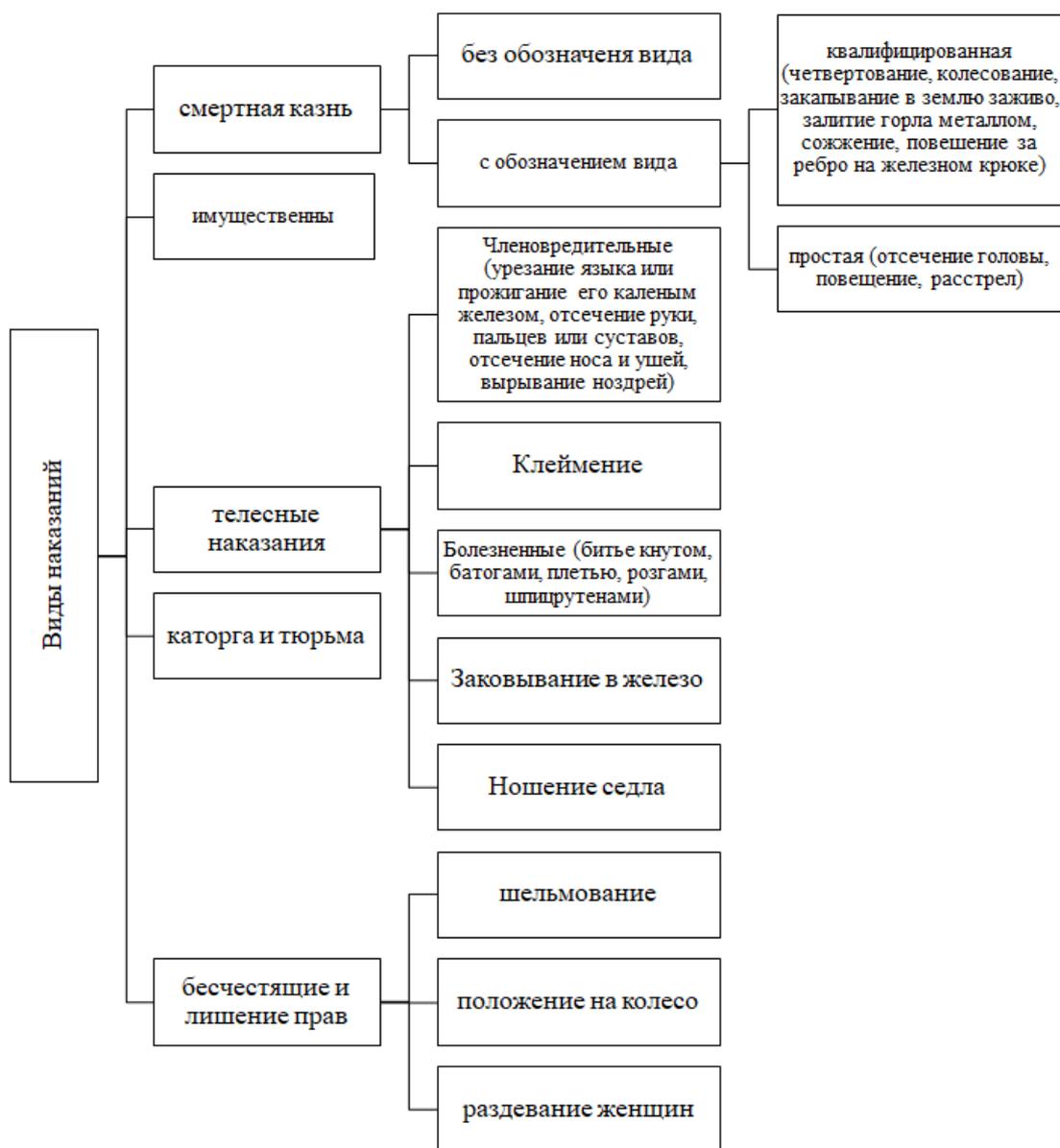

Рисунок 8 – Виды наказаний в соответствии с Воинскими Артикулами

Расширяется применение тюремного заключения, иногда сопровождающееся заковыванием в железо. Более мягкой формой заключения являлся арест у профоса (до двух недель).

Лишение чести и достоинства осуществлялось в виде позорящих наказаний и особой процедуры – шельмования. К позорящим наказаниям относились повешение за ноги после смерти, удар профоса по щеке, прибитие имени на виселице, раздевание женщин донага, положение тела на колесо.

Процедура шельмования включала следующие действия: имя преступника прибавалось к виселице, палач над коленопреклоненным преступником ломал шпагу и его объявляли вором (шельмой). Преступник предавался церковной анафеме и объявлялся вне закона, отлучался от церкви и ее обрядов, от таинств, брака и возможности принесения присяги. Он фактически исключался из общества. Это наказание предусматривалось в 11 случаях⁷⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что система наказаний по Военским Артикулам существенно расширилась. Увеличилось количество бесчестящих наказаний, квалификация смертных казней. Имущественные наказания остались прежними. Военский Артикул Петра I прежде всего был кодексом военно-уголовного права и предусматривал наказания военных и их семей.

3.2 Система наказаний по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года

Указом императора Николая I 15 августа 1845 года утверждено «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое было введено в действие с 1 мая 1846 года.

По содержанию законодательной мысли и существу принятого документа, этот нормативный акт следует считать первым уголовным кодексом Российской империи, актом специального направления и действия. Ранее, законы государства, источники права были объединенными, а содержащиеся в них нормы относились к многим разнообразным отраслям права. Например, Военский Артикул Петра I был кодексом военно-уголовного права. Кроме того, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (далее Уложение) 1845 года – первый кодифицированный источник российского уголовного права.

Как в исследованиях ученых России, так и среди зарубежных авторов, анализ Уложения рассматривался в различных аспектах. Интерес представляют теоретические исследования и научные работы Карповой А.В., Долгополова К.А. Валеевой Л.Р. и многих других.

---

⁷⁵ Борисова Е. К. Цели и виды наказаний по военским Артикулам Петра I / Е.К. Борисова // Наука, образование и культура. 2019. С. 49.

Необходимость кодификации законодательства об уголовных наказаниях была отмечена при работе над разработкой Свода законов Российской Империи 1832 года. В то же время, неоднократно возникал вопрос о необходимости создании нового уложения об уголовных наказаниях.

Указом императора Александром I (который начал работу над Сводом законов) организована специальная комиссия, под руководством Сперанского М. М. с целью разработки нового уложения.

Общая часть уголовного кодекса – составляющая первого раздела Уложения. Первостепенное значение заключалось в определении понятий, используемых в практике уголовного наказания. Так, первый раздел Уложения закрепил понятие наказуемого деяния – проступка и преступления. Важнейшим определяющим элементом закон называл признак противоправности, этот принцип нашел свое отражение во всех статьях кодекса, определяющих, что наказание за преступление и проступки может следовать на основании указания закона. Следует отметить, что в отличие от ранее действующих Сводов законов, содержащих нормы всех отраслей права, понятие преступления характеризовалось юридической четкостью.

Свод законов, разработанный М. М. Сперанским, имел существенные недостатки: статьи, которые касались уголовной ответственности, были рассредоточены по всем его пятнадцати томам. Кроме того, устанавливались только виды наказания, без их конкретизации. Так, например, привлечение виновного лица к каторжным работам не имело определенного срока, описания дополнительных видов наказания (удары плетьюми и т.д.). Суды обладали широкими полномочиями, возможностями принятия самостоятельных, усмотренческих решений при определении меры наказания, что неизбежно приводило к различного рода злоупотреблениям. Выработка новой системы уголовного законодательства насущно диктовалась необходимостями жизни и общества⁷⁶. Сроки неизменности действующих нормативных актов насчитывали столетия, в то

---

⁷⁶ Кассихина В. Е. М. М. Сперанский, его роль в развитии и становлении российского государства и права // Государство и право в XXI веке. 2017. С. 54-62.

время, когда «из всех возможных сфер права, уголовное наиболее изменчиво: понятия о преступлении и наказании наглядно отражают все социальные и политические процессы, и чем быстрее развивается жизнь (перевороты, реформы), тем скорее требуется совершение изменений».

Таким образом, история формирования и работы над законодательными положениями Уложения, свидетельствует о том, что интересы политической власти в лице императора и законодательных органов государственной власти совпадали лишь в части. Учитывая характер политического режима, все государственно важные решения принимались по ведомому и воле главы, который был заинтересован в сохранении общего вида положений о наказаниях. В свою очередь, комиссии, работающие над законами, стремились достичь развития научной и доктринальной основы принимаемых положений. В итоге, были частично удовлетворены и интересы элитарного слоя общества и интересы научного общества России того времени.

Общие основания привлечения к уголовной ответственности - обстоятельства, которые в случае своей доказанности станут основой для принятия судом решения о привлечении к уголовной ответственности, применения мер принуждения к виновному лицу.

В редакции Уложения 1845 года безусловным основанием к привлечению лица к ответственности была несомненная доказанность преступного деяния и наличие элемента виновности (ст. 97)⁷⁷.

Доказанность – интеллектуальная деятельность органов, проводивших следствие, прокурора и обвинителя. Такие действия могли быть ошибочны, ненадежны, приводить к незаконно принятым решениям суда. Только при безусловной доказанности (например, пойман на месте совершения преступления), допускалось применение категории доказанности.

Вина – внутреннее отношение субъекта преступления к совершенным действиям, бездействию.

---

⁷⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.03.2022).

Ранее законодательству России уже были известны такие формы вины как умысел и неосторожность⁷⁸. Уложением 1845 года преступления и проступки делились на совершенные умышленно и неумышленно (статья 5).

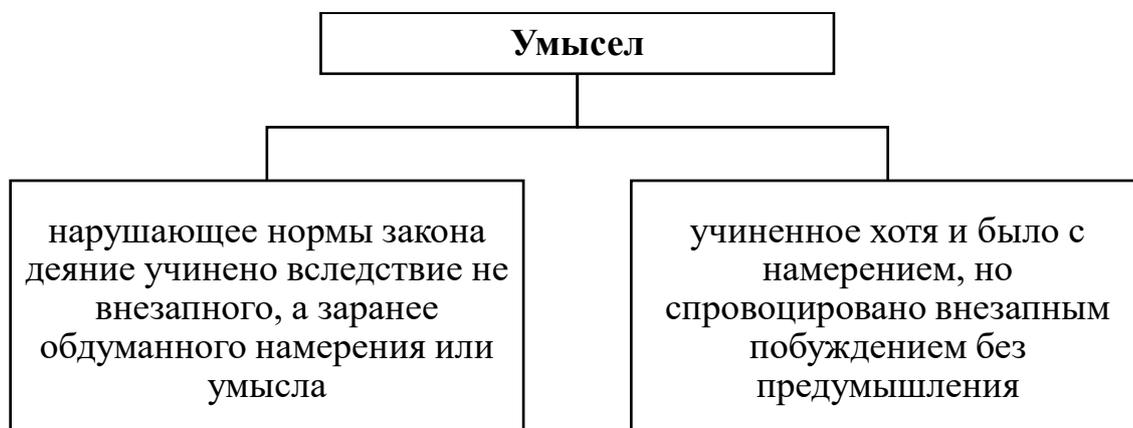

Рисунок 9 – Степени умысла⁷⁹

Российскому законодательству был известен так называемый «голый» умысел, наказываемый только в случаях, прямо указанных в законе (тяжкие преступления против государства). Такой вид умысла был определен следующим образом: «Изявление на словах или письменно, или же иным каким-либо действием намерение учинить преступление, почитается признаком умысла. К числу таких признаков принадлежат угрозы, похвальбы и предложения сделать какое-либо зло».

Ответственность различалась в зависимости от оценки степени умысла.

Привлечение к ответственности, а точнее ее мера за «внезапно совершенное» деяние разрешалась индивидуально в каждом случае⁸⁰.

Как форма вины, неосторожность не содержалась в Уложении 1845 года, ее понятие не было отражено. Однако⁸¹, как основание ответственности за неумышленные деяния, были, хоть и расплывчато сформулированы в главе «Об определении наказаний по преступлениям». Наказание по «неосторожной вине» назначалось более мягкое, по сравнению с виной умышленной. Кроме

⁷⁸ Фумм А. М. Назначение и исполнение уголовных наказаний в дореволюционной России. М., 2011.

⁷⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.03.2022).

⁸⁰ Чистяков О. И. Российское законодательство X-XX веков. М.: Юрид. лит-ра, 1988.

⁸¹ Валеева Л. Р. Развитие системы специальных правил назначения наказания в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и многих других ответственности/ Л.Р. Валеева // Журнал российского права. 2014. № 6 (210).

того, особого упоминания требует факт, что неосторожность подлежала наказанию только в прямо предусмотренных законом случаях. Для того, чтобы привлечь лицо за проступок или преступление по неосторожности, требовалось дополнительное указание на данное основание в отдельной статье Уложения.

Прогрессивным для кодекса того времени было четкое обозначение понятия «случай» как обстоятельства, которое не могло стать основанием для привлечения к уголовной ответственности. «Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оно неосторожности, не считается виною»⁸².

Все указанное, позволяет подвести итог и сделать вывод о том, что в Уложении 1845 года закрепились такие прогрессивные нормы (с точки зрения оценки вины), которые по своему существу имеют отражение и могут быть заимствованы и применимы сегодня.

Как основание привлечение к уголовной ответственности стало определение нижнего возрастного порога. Лица, которые не достигали установленного в законе возраста, к уголовной ответственности за проступок или преступление привлечены быть не могли.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г. конкретно определялись признаки субъекта преступления через категорию возраста. В соответствии со статьей 100 не подлежали наказанию, как за преступления, так и за проступки лица, не достигшие возраста 7 лет, не имеющие достаточного понятия о своих деяниях. В таком случае, несовершеннолетние подлежали передаче для воспитания и исправления родителям, родственникам или опекунам. Не являлись субъектом преступления дети в возрасте от 7 до 10 лет, которые отдавались родителям и благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и перевоспитания.

Уложение не только содержало все указанные условия, но и устанавливало и специальный механизм реализации ответственности для каждой возраст-

---

⁸² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.03.2022).

ной группы⁸³.

Юношеский возраст в Уложении делился на три периода: до 7 лет, от 7 до 14 лет и от 14 до 21 года. Субъектом преступления считалось физическое лицо, достигшее 10-летнего возраста. Для лиц в возрасте от 10 до 14 лет, имело место смягчение наказания за совершенное деяние. К несовершеннолетним в возрасте от 14 до 21 года применялось то же наказание, что и ко взрослым правонарушителям, однако с некими смягчениями⁸⁴.

С точки зрения определения субъективной стороны деяний, законодатель Уложением наиболее четко и последовательно регламентировал данный вопрос. Так, деяния могло быть совершено неосторожно и умышлено, а также нанесение «зла случайного»⁸⁵.

Укажем, что основания для привлечения лиц к уголовному наказанию, отличались прогрессивными особенностями для законодательства того времени. Отмечается особая доктринальная работа, оценка ценности и особенностей уголовных нарушений, в зависимости от исторических преобразований. Особенностью является привлечение к уголовной ответственности лиц, которые достигли 10-летнего возраста, с точки зрения осознания совершенных действий.

Уложение вело учет и классификацию преступлений, проступков и соответствующий им наказаний по отдельным категориям и направлениям. Разделы кодекса содержали описание деяний, свершенных против интересов государства, православной веры, нарушение порядка управления, против службы, постановлений о повинностях, государственного имущества и дохода в казну, благоустройства общественного порядка и благочиния, строя сословия, прав частной собственности, посягательство на жизнь и здоровье.

Первые статьи Уложения 1845 года дают понятие преступления: «Преступлением или проступком признается как само противозаконное деяние, так

---

⁸³ Федорова А. Н. Понятие и субъекты правонарушений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 2.

⁸⁴ Грачева Е. И., Чучаев А. И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: предыстория, концептуальные основы, общая характеристика // Материалы международной научно-практической конференции. 2016.

⁸⁵ Титов Ю. П. История государства и права России. М: «Юрист», 2003. С. 124.

и неисполнение того, что было предписано законом под страхом наказания уголовного или исправительного». Несмотря на краткость определения законодателя, в нём впервые обобщалась сущность незаконного деяния и его наиболее существенные признаки⁸⁶.

Характеристики преступного деяния, исходя из приведенного определения, приведены на рис. 10⁸⁷.

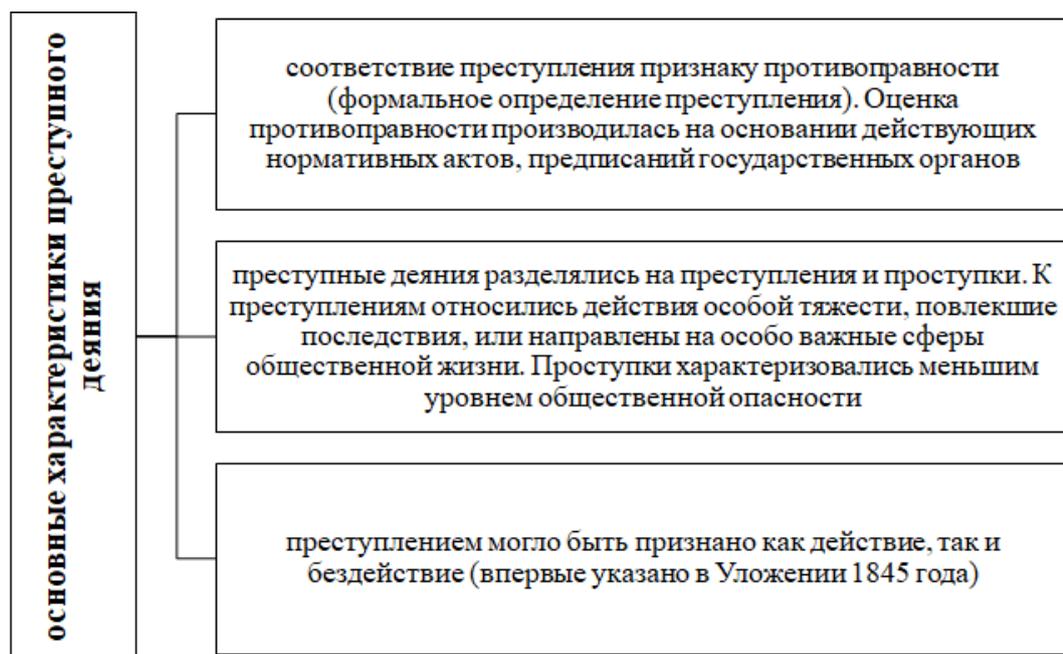

Рисунок 10 – Характеристики преступного деяния

Преступления и проступки разграничивались на основании различия объекта посягательств, хоть и не четко. Один из таких критериев разграничения был предусмотрен впервые – от тяжести наказания. Названный критерий позволяет утверждать, что определение преступного деяния не может быть обозначено как формальное.

Принципы классификации преступлений, исходя из оценки всех элементов, приведены на рис. 11.

Данная классификация позволила выделить объекты уголовно-правовой защиты, охраняемые Уложением 1845 года. Так, привлечение виновных лиц к уголовному наказанию было возможно, если вред был нанесен человеку, его

⁸⁶ Карпов А. В. Преступление: правовое, отечественное понимание понятия // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2014. № 4. С. 256.

⁸⁷ Грачева Е. И., Чучаев А. И. Преступление в советском уголовном уложении и доктрине уголовного права // Государство и право. Юридические науки. 2014.

жизни и здоровью, законодательно признанным правам и свободам, правам на частную собственность, общественный порядок и общественную безопасность, основы государственного строя и управления⁸⁸.

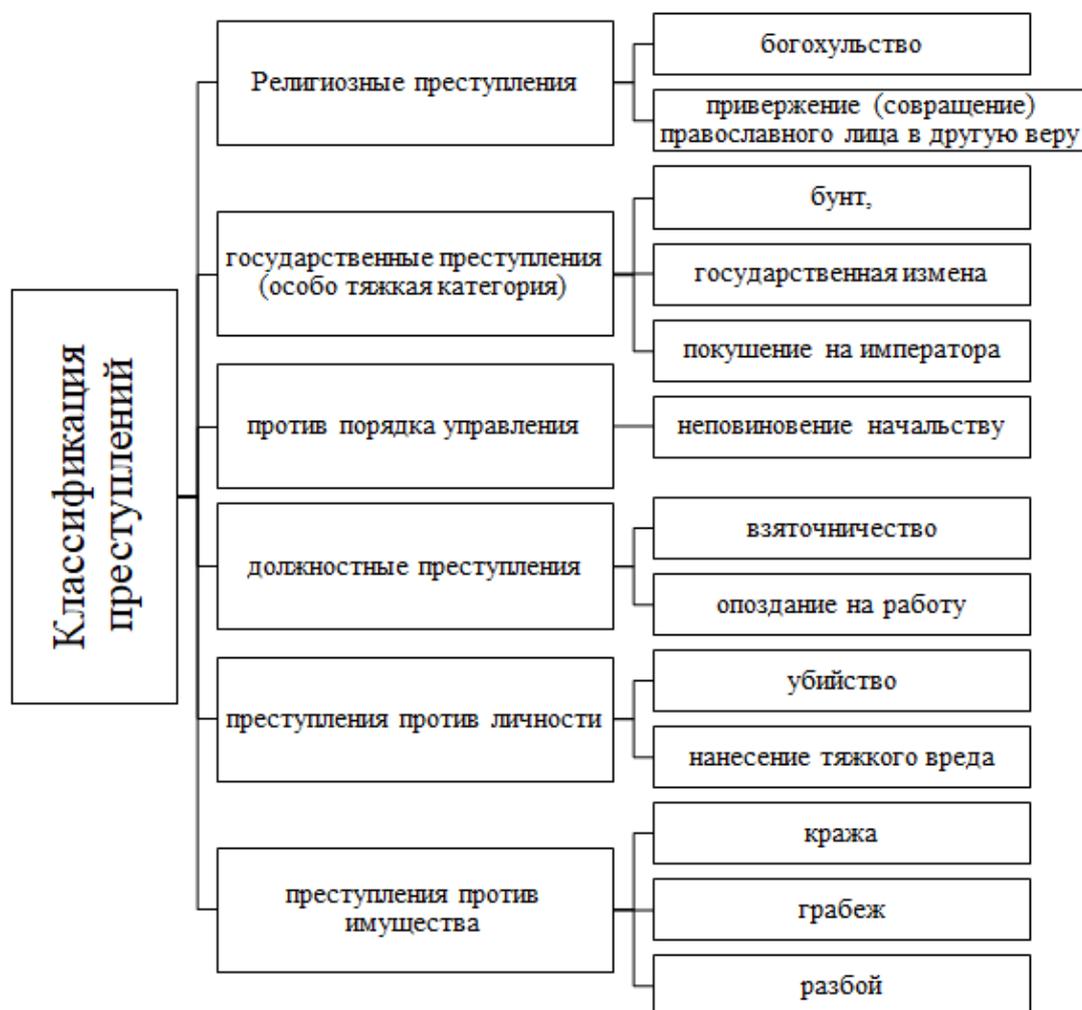

Рисунок 11 – Классификации преступлений, исходя из оценки всех элементов

Достаточно точно были определены стадии совершения преступления, что позволяло оценить степень участия виновных лиц в деяниях. Выделялись 4 стадии совершения преступления: обнаружение умысла, приготовление к преступлению, покушение и оконченное преступление⁸⁹.

Обнаружение умысла. Уложение 1845 года стало последним российским кодексом, который установил ответственность за обнаружение умысла на совершение преступления. Так, под умыслом считали применение или подготовку средств, для совершения преступления.

⁸⁸ Исаев И. А. История государства и права России. М., 2008. С. 97.

⁸⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.03.2022).

Приготовление к преступлению. Если характер приготовительных действий не был противозаконным, наказание за приготовление следовало только в установленных законом случаях. «Покушением на преступление считается всякое действие, которым было начато или продолжено злое намерения во исполнение незаконных действий» (ст. 11)⁹⁰.

Покушение также было описано в Уложении, и даже подразделялось на отдельные виды. К оценке меры ответственности за покушение подходили «по большей или меньшей близости сего покушения к совершению преступления, одною или двумя степенями ниже против наказания, постановленного за самое совершение преступления». При этом, определение «степеней ниже» не приводилось, разрешалось индивидуально. Покушение, остановленное лицом самостоятельно, по собственной воле не наказывалось. Если покушение остановлено не по воле совершавшего деяние лица, то к наказанию такой субъект привлекался, с понижением его степени⁹¹.

Уложением устанавливались формы участия лиц в преступлении: без предварительного соглашения (или спонтанное принятие решения об участии), по предварительному соглашению (заговор) и шайка (организованная, с распределением ролей между участниками)⁹².

В первом случае различались главные виновные (организаторы и задумщики) и участники, во втором – зачинщики, их сообщники, и подговорщики – привлекающие к преступлению иных, подстрекатели, пособники. Причастными к совершению преступных действий признавались попустители, укрыватели и недоносители. Каждая категория участников обладала определенной особой мерой ответственности, с отдельными степенями наказания, положенное за содеянное.

В Уложении 1845 года очень четко для того времени был сформулирован институт добровольного отказа от совершения преступления (правда, без

---

⁹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.03.2022).

⁹¹ Дудырев Ф. Ф. Формирование института дифференциации ответственности в уголовном законодательстве России в XIX начале XX вв. // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011.

⁹² Карпов А. В. Преступление: правовое, отечественное понимание понятия // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2014. № 4.

сформулированного термина), причем по существу он вполне совпадал с аналогичным институтом, содержащемся в уголовном кодексе России (ст. 16): «Когда учинивший приготовление к преступлению или уже и покусившийся на оное остановился при том и по собственной воле не совершал преднамеренного, то он подвергается наказанию лишь в том случае, если содеянное им при сем приготовлении и покушении есть само по себе преступление» (ст. 119)⁹³. Изложенное достаточно очевидно свидетельствует о том, что основные понятия института неоконченного преступления в Уложении 1845 года были разработаны на весьма высоком уровне.

Уложение от 1845 года принималось в последующем в трех редакциях (1857, 1866, 1885 года), которые существенно модифицировали некоторые основополагающие уголовно-правовые институты.

В целом, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных стало почвой для дальнейшей разработки Уголовного Уложения России 1903 года (не вступило в силу в полном объеме), которое в дальнейшем было признано вершиной русской дореволюционной уголовно-правовой мысли.

Наказания по Уложению 1845 года обладали чрезвычайно сложной и громоздкой системой. По оценке современников, структура представляла собой «лестницу наказаний», в которой все существующие наказания имели свои рода, виды и степени, подразделены в зависимости от их тяжести, расположены в порядке ступеней.

Различалось 12 родов наказаний, подразделенных на 38 степеней, в порядке убывающей прогрессии – от смертной казни до внушения. Отдельной категорией шли наказания для лиц, изъятых от тяжелых наказаний, и для лиц, не изъятых от этих наказаний⁹⁴.

Общие наказания, в свою очередь, делились на: главные, дополнительные и заменяющие.

Главные – уголовные или исправительные. На этот счет Таганцев Н. С.

---

⁹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.03.2022).

⁹⁴ Там же.

писал: «Ожидания составителей Уложения не оправдались. Лестница, создан-

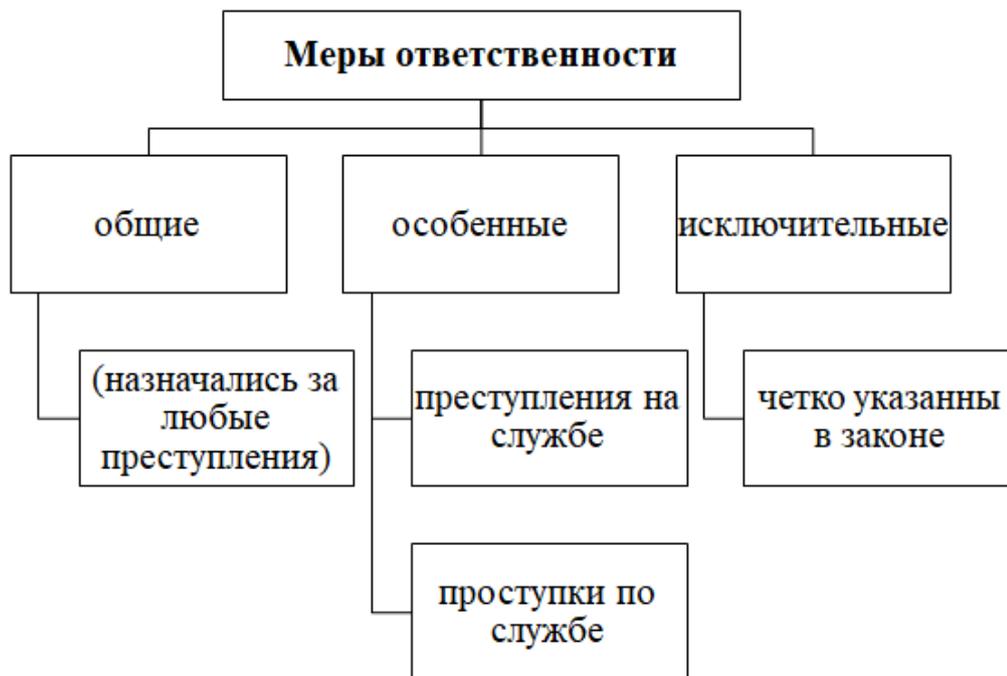

Рисунок 12 – Меры ответственности

ная ими, оказалась тяжела и непригодна. Жизнь почти вслед за введением Уложения так расшатала ее, выстроила из нее так много ступеней, что в ее позднейшей обрисовке ...она сохранила мало сходства с первоначальной»⁹⁵. Тем самым, на практике подтверждалось, что существование такой разветвленной системы не шло на пользу системе привлечения виновных лиц к ответственности. В то время, когда не была ясна категория преступных действий, объект посягательства и мотивы совершенного, существовали еще и трудности в определении справедливой и адекватной уголовно-правовой меры.

Наиболее строгими, а иногда и «жестокими» были наказания уголовные. Так, самая мягкая мера – лишение права состояния и ссылка на поселение в Сибирь или Закавказье. Лишение прав состояния для виновного означало его гражданскую смерть: прекращались права собственности, супружеские и родительские права. Примечательно, что уголовный закон такими мерами посягал на неимущественные, провозглашенные в современном мире неотъемлемые, права лиц.

Такие наказания назначались лицам, совершившим деяния против госу-

⁹⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. М.: Наука, 1994. 380 с.

дарства, религии, порядка государственного управления. Особо суровыми были наказания за государственные преступления: злоумышление против «священной особы государя императора», государственная измена, бунт против верховной власти (ст. 263-282). Основными мерами наказания за эти преступления были смертная казнь или каторга⁹⁶.

В России был известен и другой вид наказаний – исправительные, отличающиеся относительно мягкими мерами: замечание, внушение, выговор, розги, арест, заключение в крепость, тюрьму, ссылка в Сибирь.

К мерам, карательного характера относили телесные наказания, клеймение, ссылку на каторгу, ссылку на жительство в отдаленные части государства. Примечательно, что наиболее мягкой мерой было заключение в смиренный дом⁹⁷.

Господствующими верхами Уложение считалось одним из наиболее «удачных» уголовных кодексов России. Это Уложение несло феодально-крепостнический смысл и надолго пережило сам крепостной строй. Вся деятельность по кодификации положений уголовного закона фактически была завершена с его принятием⁹⁸.

Итак, с позиций современного состояния уголовного закона, можно проследить, что юридический инструментарий, нормы, институты и подинституты общей части Уголовного кодекса разработаны на весьма высоком уровне, с учетом положений Уложения 1845 года. Отметим, что некоторые положения, по своей специфике являются более либеральными и прогрессивными чем в действующем уголовном законодательстве, другие – отличаются нарушением личных, конституционных границ (личные права: на семью, брак). Такое различие усматривается в соответствии закона потребностям текущего времени и исторического состояния, событий. С XIX века наметилась тенденция стремительного развития уголовного права, сферы применения наказаний, ко-

---

⁹⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.03.2022).

⁹⁷ Илюхин А. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как пролог судебной реформы 1864 г. в России // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2015.-№ 3 (2).

⁹⁸ Скреля К. Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. № 3 (21) . С. 1-16.

торые не были связаны с лишением или ограничением свободы лица. Уложение существенно ограничило применение позорящих наказаний, однако, говорить о его либеральности на том этапе представляется еще невозможным. Тем не менее, свой толчок получила гуманизация отношения к личности обвиняемых лиц, уважение к человеческому достоинству. Более того, до принятия Уложения история российского права не знала таких понятий как «уголовно-правовой проступок», «неосторожность», «необходимая оборона», что непосредственно повлияло на механизм и порядок назначения уголовного наказания. Именно нормы «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года оказали первостепенное и значительное влияние на принятие, формирование и становление действующего уголовного права Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие системы наказаний и уголовной ответственности в России проходит достаточно сложный и длительный период времени. На всех этапах развития российского законодательства применялась уголовная ответственность за совершение преступлений. Однако пути осуществления этой уголовно-правовой защиты, ее формы менялись в ходе становления, укрепления и развития российского уголовного права. Нормы, предусматривающие наказания за общественно опасные деяния, совершаемые в сфере правосудия, содержались уже в первых памятниках отечественного права. Так, ст. 20 Пространной редакции Русской Правды рассматривалась в качестве прообраза положения, устанавливающего ответственность за заведомо ложный донос.

Для Русской Правды и княжеских наказов еще не характерно установление круга злоупотреблений правами представителей судебных органов. В этих нормативных актах нет положений, направленных на защиту правосудия «изнутри». Но подобные нормы обнаруживаются уже в документах, получивших наименование судных грамот. Так, ст. 26 Новгородской судной грамоты, определяющая порядок судопроизводства в суде высшей инстанции, запрещает брать взятки (посулы) и решать дела по дружбе. Сходный запрет содержится в ст. 4 Псковской судной грамоты. Примечательна также ст. 48 последнего документа, устанавливающая ответственность за вымогательство взятки (посула) волостелем, отнявшим у стороны в процессе одежду или коня. В случае обращения в суд с иском волостель отвечал за свои действия как за грабеж.

Впервые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение деяний, препятствующих отправлению правосудия и устанавливающие конкретный размер наказания за них, появились в Судебнике 1497 г., принятом Иваном III совместно с Боярской думой

Судебник Ивана III 1497 г. развил положения Русской Правды, вобрал в себя действующие судные и уставные грамоты, которые, по сути, были дополнены и исправлены. Данный свод законов Русского государства внес единство в

формальную часть судебного процесса и обогатил его новыми формами. Меры юридической ответственности в рассматриваемый период носили весьма суровый характер по отношению ко всем субъектам, в том числе к судьям. Делается вывод о наличии уже в то время мер юридической ответственности за обман суда стороной, а также за подачу иска, сумма взыскания по которому заведомо превышает размер имущества ответчика. Выделяется такая мера ответственности, как взыскание суммы иска, являющаяся не только материальной, но и процессуальной, поскольку фактически порождает существенное неблагоприятное для нарушителя процессуальное последствие – прекращение судебного разбирательства в пользу пострадавшей стороны.

В Судебнике 1550 г. («царском») расширялся круг регулируемых судебной властью вопросов, проводилась определенно выраженная социальная направленность наказания, усиливались черты розыскного процесса. Регламентация охватила сферы уголовно-правовых и имущественных отношений. Был закреплен сословный принцип наказаний и одновременно с этим расширен круг субъектов преступления – в него включаются холопы: законодатель значительно более определенно установил в законе субъективные признаки преступления и разработал формы вины.

Под преступлением судебники понимали не только нанесение материального или морального ущерба, «обиду», на первый план выдвигалась защита существующего социального и правового порядка. Преступление – это, прежде всего, нарушение установленных норм, предписаний, а также воли государя, которая неразрывно связывалась с интересами государства. Система наказаний по судебникам усложнялась, сформировались новые цели наказания – устрашение и изоляция преступника. Целью властей стала демонстрация их всемогущества над обвиняемым, его душой и телом. Высшая мера наказания – смертная казнь, которая могла быть отменена помилованием со стороны государя.

В отличие от Судебника 1550 г., согласно ст. 2 которого судья не отвечал за ошибку, хотя дело и подлежало полному пересмотру, ст. 10 гл. X Соборного

уложения предусматривала ответственность, правда неопределенную, ошибшегося судьи – «что государь укажет».

В ст.ст. 186-188 гл. X Соборного уложения появляется новый, ранее неизвестный состав преступления, – вымогательство путем предъявления поклепного иска. В условиях волокиты, взяточничества, которые имели место в суде XVII в., сам факт предъявления иска мог грозить ответчику – даже ни в чем не повинному – большими осложнениями и убытками. Поэтому ему было выгоднее откупиться от вымогательства, чем доказывать свою правоту в суде. Соборное Уложение предусматривало простой и квалифицированный виды поклепного иска, квалифицирующим обстоятельством которого являлся рецидив.

Соборное уложение 1649 г. продолжало применяться и в начале XVIII в., часть его положений фактически потеряла силу после государственных преобразований начала XVIII в., но многие продолжали действовать, наряду с принятым Воинским артикулом 1715 г. Этот нормативный документ подготовлен при непосредственном участии Петра I. Это первая попытка систематизации уголовно-правовых норм России.

Артикул предусматривал усиление суровости наказаний и их исполнения, развивая идеи «Соборного уложения» о мести преступнику и устрашения населения. Расширилось применение смертной казни, телесных наказаний, тюремного заключения, появились наказания в виде каторжных работ, ссылки на галеры, новые разновидности позорящих наказаний. Рассматриваемых составов преступлений в Воинском артикуле ограниченное количество. Они сосредоточены в гл.гл. 22 и 23 этого документа и лишь частично изменяют и дополняют соответствующие статьи Соборного уложения. Артикулы 196198 устанавливали ответственность за ложную присягу и лжесвидетельство – полагалось отсечение двух пальцев и каторга.

Теперь уже более ста видов преступных деяний влекли смертную казнь, которая могла быть простой (повешение, отсечение головы, расстрел), либо квалифицированной (сожжение, колесование, четвертование и др.). За убийство и отравление близких родственников предназначалось колесование – дробление

тела окованным колесом. В соответствии с Артикулом расширилось применение телесных наказаний (пробитие рук гвоздями, отсечение пальцев или руки, отрезание носа и ушей, разрыв ноздрей и т.д.). К избиванию кнутом и батогами добавились шпицрутены, заковывали в железо и др. Кроме того, в ряде случаев преступник подлежал клеймению каленым железом.

Довольно значительное распространение получила ссылка на каторжные работы или на галеры на определенный срок или бессрочно. На каторгу могли послать за прелюбодеяствия, а на вечную ссылку на галеры – за мужеложство и изнасилование.

Однако в период правления Петра I государственных структур по управлению исполнением всех видов наказаний, а также специализированного законодательства учреждено не было.

Более развернуто и конкретизированно описания преступлений, препятствующих отправлению правосудия, были даны в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Система наказаний по Уложению 1845 г. была чрезвычайно сложной и громоздкой. Она представляла собой лестницу наказаний, в которой все наказания подразделялись на рода, виды и степени по сравнительной их тяжести и располагались в последовательном порядке ступеней. Было установлено 12 родов наказаний, разделенных на 38 степеней, которые образовывали убывающую прогрессию, начиная от смертной казни и кончая внушением. При этом отдельно предусматривались наказания для лиц, изъятых от тяжелых наказаний, и для лиц, не изъятых от этих наказаний. Все меры ответственности подразделялись на общие (могли назначаться за любые преступления), особенные (назначались за преступления и проступки по службе) и исключительные (за определенные, указанные в законе преступления). Общие наказания, кроме того, делились на главные, дополнительные и заменяющие. Главные же, в свою очередь, могли быть уголовными или исправительными.

Наиболее суровыми были наказания «уголовные»: самой мягкой мерой были лишение прав состояния и ссылка на поселение в Сибирь или Закавказье.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за совершение деяний, которые мы сейчас относим к группе преступлений против правосудия, в Уложении находились в трех разделах. Гл. 5 раздела «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» предусматривала уголовную ответственность за лжеприсягу.

В четвертом разделе «О преступлениях и проступках против порядка управления» содержались составы таких преступлений, как уклонение от явки для свидетельских или иных показаний, оскорбление «ругательными или поносительными словами», а также побоями или другим каким-либо «явно насильственным действием», в том числе подача жалобы на судебное или иное решение во второй или третий раз в случае признания безосновательности первого или второго обжалования. В пятом разделе «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» имелась специальная глава, которая так и называлась: «О неправосудии». Здесь видны составы преступлений, выразившиеся в вынесении судебных приговоров «с явным нарушением законов и вопреки положительному оных смыслу», а также составы преступлений и проступков чиновников при следствии и суде, которым посвящен специальный отдел главы «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы» этого же раздела.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I Специальная литература

- 1 Агджаев, Э. М. Историческое развитие законодательной регламентации цели в преступлениях против правосудия в дореволюционный период / Э. М. Агджаев // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 1. – С. 25-28.
- 2 Богдановский, А. М. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого / А. М. Богдановского. - М., 1857. - 183 с.
- 3 Борисова, Е. К. Цели и виды наказаний по воинским Артикулам Петра I / Е. К. Борисова // Наука, образование и культура. – 2019. – 162 с.
- 4 Валеев, Д. Х. История науки гражданского права и процесса: Е. В. Васьковский и юридический факультет Казанского университета / Д. Х. Валеев, Г. А. Валеева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 7. – С. 59-62.
- 5 Валеева, Л. Р. Развитие системы специальных правил назначения наказания в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и многих других ответственности / Л. Р. Валеева // Журнал российского права. - 2014. – № 6 (210).
- 6 Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. - Киев, 1915. - 352 с.
- 7 Воробьев, А. С. Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. : проблематика определения его рамок и содержания / А. С. Воробьев // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8. – С. 11-15.
- 8 Востриков, П. П. Роль судебных грамот в реализации отечественной государственной политики борьбы с преступностью в XV-XVII вв / П. П. Востриков, Б. И. Королев // Власть. – 2018. – № 7. – С. 222-231.
- 9 Георгиевский, Э. В. Интересы правосудия как объект охраны в уголовном праве московского государства / Э. В. Георгиевский, Р. В. Кравцов // Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. – 2016.

– № 2. – С. 83-88.

10 Георгиевский, Е. В. Интересы правосудия как объект охраны в уголовном праве московского государства / Е. В. Георгиевский, Р. В. Кравцов // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С. 83-95.

11 Горелик, А. С. Преступления против правосудия / А. С. Горелик, Л. В. Лобанова. - СПб., 2005. - 186 с.

12 Грачева, Е. И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: предыстория, концептуальные основы, общая характеристика / Е. И. Грачева, А. И. Чучаев. - М., 2016. – 231 с.

13 Греков, Б. Д. Киевская Русь IX – первая пол. X вв. / Б. Д. Греков. – М.: Юристъ, 2019. – 140 с.

14 Греков, Б. Д. Правда русская / Б. Д. Греков. – М.: Юристъ, 2018. - 143 с.

15 Дворянсков, И. В. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / И. В. Дворянсков, А. И. Друзин, А. И. Чучаев. – М., 2002. – 150 с.

16 Дудырев, Ф. Ф. Формирование института дифференциации ответственности в уголовном законодательстве России в XIX начале XX вв. / Ф. Ф. Дудырев // Вестник Самарской гуманитарной академии. - 2011. – С. 11-20.

17 Дьяконова, А. А. Система уголовных наказаний России (IX – начало XX вв.): история, особенности развития / А. А. Дьяконова // Научные достижения и открытия современной молодёжи: сборник статей победителей международной научно-практической конференции. - М., 2017. С. 56-74.

18 Евреинов, Н. История телесных наказаний в России / Н. Евреинов. - Харьков, 1994. - 291 с.

19 Егоров, А. А. Эволюция категории «правонарушение» с IX по XVI вв. / А. А. Егоров // Актуальные проблемы рос. права. – 2016. – № 8. – С. 35-43.

20 Егоров, А. А. Система религиозных преступлений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / А. А. Егоров // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. – С. 55-61.

21 Ефименко, И. А. Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г / И. А. Ефименко // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 165-169.

22 Загидуллин, М. Р. Зарождение юридической ответственности в российском судебном процессе / М. Р. Загидуллин // Вестн. граждан. процесса. – 2016. – № 5. – С. 164-176.

23 Зиггидуллин, М. Р. Юридическая ответственность в судебном процессе России по Судебникам 1497 и 1550 гг. / М. Р. Зиггидуллин // Ученые записки Казанского университета. – 2019. – № 161. – С. 32-40.

24 Илюхин, А. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как пролог судебной реформы 1864 г. в России / А. В. Илюхин // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2015. - № 3 (2).

25 Исаев, И. А. История государства и права России: учебник. – 3-е изд. перераб. и доп. / И. А. Исаев. - М: Изд-во «Юристъ», 2008. - 197 с.

26 Карпов, А.В. Преступление: правовое, отечественное понимание понятия / А. В. Карпов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. – 2014. – № 4. - С. 256

27 Кассихина, В. Е. М. М. Сперанский, его роль в развитии и становлении российского государства и права / В. Е. Кассихина // Государство и право в XXI веке. – 2017. - С. 23-41.

28 Линовский, В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича / В. Линовский. - Одесса, 1847. - 138 с.

29 Лоба, В. Е. Преступления против порядка прохождения военной службы в Уложении 1649 г / В. Е. Лоба // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 3. – С. 8-13.

30 Луппова, М. А. К вопросу о системе наказаний и практика ее применения по Соборному Уложению 1649 года / М. А. Луппова // Молодой ученый. – 2021. – № 20 (362). – С. 346-349.

31 Малиновский, И. Лекции по истории русского права / И. Малиновский. - Ростов н/Д, 1918. - 368 с.

- 32 Маньков, А. В. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А. В. Маньков. - М., 1980.
- 33 Маньков, А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. / А. Г. Маньков. – СПб. : Наука, 1998. – 216 с.
- 34 Маньков, А. Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – Л. : Наука, 1980. – 271 с.
- 35 Михайлов, М. М. Избранные произведения / М. М. Михайлов. – М.: Статут, 2014. – 312 с.
- 36 Покровская, А. Ю. История телесных наказаний в русском уголовном праве / А. Ю. Покровская. - М., 2005. – 234 с.
- 37 Поляков, С. А. Санкции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / С. А. Поляков // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2007. – № 2. – С. 34-37.
- 38 Рожнов, А. А. История уголовного права Московского государства (XIV-XVII вв.) / А. А. Рожнов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 512 с.
- 39 Российское законодательство X-XX веков : тексты и коммент.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. - М., 1985. - Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - 131 с.
- 41 Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. - М., 1984. - Т. 3: Акты Земских соборов. - 395 с.
- 40 Сидоркин, А. И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX-XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения / А. И. Сидоркин. – Казань, 2012. – 154 с.
- 41 Сквозников, А. Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. / А. Н. Сквозников // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. Право. – 2012. – № 1 (11). – С. 79-84.
- 42 Скреля, К. Ю. Из истории законодательной мысли – анализ «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 года / К. Ю. Скреля //

Научный вестник Крыма. – 2019. - № 3 (21). - С. 1-16.

43 Стрыгина, И. В. Очерк истории преступлений против правосудия по уголовному законодательству досоветского периода / И. В. Стрыгина // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 10 (44). – С. 218-223.

44 Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции / Н. С. Таганцев. М.: Наука, 1994. – Т. 1. - 380 с.

45 Тимофеев, А. Г. История телесных наказаний в русском праве / А. Г. Тимофеев. - 2-е изд., пере-раб. и доп. - СПб., 1904. - 231 с.

46 Титов, Ю. П. История государства и права России: хрестоматия / Ю. П. Титов. – М: «Юристъ», 2003. – 124 с.

47 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13654> - 17.03.2022.

48 Федорова, А. Н. Понятие и субъекты правонарушений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных / А. Н. Федорова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. -2012. – № 2. – С. 56.

49 Федорова, А. Н. Система преступлений против собственности по Артикулам воинским 1715 года / А. Н. Федорова. – М., 2019. – 164 с.

50 Фетищев, Д. В. Судебная власть в современном государстве: сравнительно-правовое исследование (история, теория и практика) / Д. В. Фетищев. – М. : Науч. книга, 2007. – 312 с.

51 Финогентова, О. Е. Понятие и ответственность за взятку по уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и уголовному уложению 1903 года / О. Е. Финогентова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – № 9. – С. 23-29.

52 Фумм, А. М. Назначение и исполнение уголовных наказаний в дореволюционной России: монография / А. М. Фумм. - М., 2011. – 234 с.

53 Чистяков, О. И. Российское законодательство X-XX веков. / О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит-ра, 1988. – 254 с.

54 Штамм, С. И. Судебник 1497 г. / С. И. Штамм. – М. : Госюриздат,

1955. – 112 с.

55 Юшков, С. В. Памятники русского права / С. В. Юшков. – Екатеринбург, 2020. - 17-200 с.